НЕЗРИМАЯ ВЛАСТЬ КРЕМЛЯ

ПРАВДА, КОТОРУЮ НЕ ВИДЯТ

АЛЕКС КАРТЕР

Незримая власть Кремля

Правда, которую не видят

Алекс Картер

Оглавление

Пролог. Паутина страха

Глава 1. Тихий инквизитор. Как Александр Дворкин строил систему нетерпимости

Глава 2. Экспертиза как оружие: фабрика судебных дел

- Цех №1: Тестовый запуск конвейера. Дело «Бхагавад-гиты»
- Цех №2: Массовое производство. Ликвидация Свидетелей Иеговы
- Цех №3: Психологическое оружие. Дело «Церкви Благодать»

Глава 3. Призраки Веймара. Немецкий след антикультизма

Глава 4. От Третьего Рима к Четвертому рейху

Глава 5. Подавление несогласных: хроники современной инквизиции

Глава 6. Наказ Патриарха: кому выгодна «Священная война»?

Список использованных источников

Пролог. Паутина страха

Когда в зале суда вместо обвиняемого на скамье подсудимых оказывается книга, это значит, что страна больна. Когда этой книгой становится один из самых древних и почитаемых текстов человечества, это значит, что болезнь смертельна.

Услышав эту новость, я решил, что столкнулся с дурной шуткой. Очередной фейк из интернета, слепленный на коленке для привлечения внимания. Сибирский город Томск, 2011 год. В зале районного суда, где обычно разбирают дела о мелких кражах и бытовых драках, происходит нечто невообразимое. Прокурор, с абсолютно серьезным лицом, требует признать экстремистской одну из древнейших и самых почитаемых книг человечества — «Бхагавад-гиту». Не пародию, не злой шарж, а именно ту самую «Песнь Господа», философскую жемчужину индуизма. Основание? Некий «эксперт» из местного университета разглядел в комментариях к священному тексту призывы к религиозной розни и пропаганду неполноценности. Казалось, мир сошел с ума. За окном шел XXI век, Россия гордилась своим статусом светского многоконфессионального государства, а в это самое время в ее географическом центре происходила самая настоящая средневековая травля еретиков, где в роли еретика выступала книга.

Абсурд? Безусловно. Но это был не абсурд ради абсурда. Это был выстрел стартового пистолета. Тогда, в 2011 году, мало кто это понял. Казалось, это просто эксцесс исполнителя, нелепое рвение провинциального чиновника, решившего выслужиться. Суд в итоге иск отклонил, во многом благодаря поднявшейся международной буре — парламент Индии был в ярости, в Дели жгли российские флаги. Скандал замяли. Он был не случайностью. Он был симптомом. Более того — он был пробным шаром, тщательно спланированным тестом, призванным проверить, насколько далеко можно зайти в манипулировании государственной машиной. И хотя формально тест провалился — во многом благодаря поднявшейся международной буре, — его организаторы получили бесценные данные. Но семена были посеяны. Те, кто стоял за спиной томского прокурора, поняли: механизм работает. Общество готово. Можно продолжать.

Сегодня, оглядываясь назад, я понимаю, что та история была не случайностью, а репетицией. Генеральной репетицией того театра абсурда, который развернется на всю страну десятилетие спустя. Сегодня за репост «неправильной» картинки можно получить реальный срок. Сегодня мирную организацию Свидетелей Иеговы, чьи последователи из принципа не берут в руки оружие, объявляют экстремистской и бросают в тюрьмы десятками. Сегодня в глухой тайге спецназ с вертолетами штурмует общину «Церкви последнего завета», последователи которой просто хотели жить в гармонии с природой. Сегодня священников, осмелившихся молиться о мире, а не о победе, лишают сана и судят за «дискредитацию армии».

Все это происходит под одними и теми же лозунгами: защита духовных скреп, борьба с западным влиянием, противодействие экстремизму, сохранение традиционных ценностей. Слова правильные, почти священные. Но дела, которые за ними стоят, — жестокие и нелепые. Страна, победившая нацизм, вдруг начинает видеть «экстремистов» в вегетарианцах, йогах и просто людях, читающих «не те» книги. Это похоже на страшную реконструкторскую сказку, где люди живут в выдуманном мире и борются с выдуманными врагами.

И главный вопрос, который не дает мне покоя: кто режиссер этого спектакля? Кто тот невидимый дирижер, который заставляет огромную страну с тысячелетней культурой маршировать под этот странный, пугающий марш?

Официальный ответ известен. Его транслируют с экранов телевизоров. Во всем виноват коллективный Запад, который хочет разрушить Россию. Внутри страны действуют его агенты, «пятая колонна». А во главе страны стоит сильный лидер, который в одиночку противостоит этой угрозе. Картина простая и понятная. Но если присмотреться, она начинает рассыпаться на глазах.

В этой книге я хочу рассказать другую историю. Историю о том, как на протяжении тридцати лет в тени кремлевских башен и под покровом церковных облачений росла и крепла сила, куда более могущественная и коварная, чем принято считать. Сила, которая научилась говорить от имени государства, манипулировать его силовыми структурами и направлять их гнев на тех, кого она назначит

врагом. Я говорю об антикультовом движении.

На первый взгляд, звучит несерьезно. Ну какие-то борцы с сектами, что в них опасного? Но это только на первый взгляд. В реальности мы имеем дело с прекрасно организованной сетью, которая опутала всю страну. Ее щупальца проникли в Министерство юстиции, в прокуратуру, в суды, в школы и университеты. В центре этой паутины сидит человек, чье имя вы, возможно, слышали, но вряд ли придавали ему значение. Александр Дворкин.

Человек с удивительной биографией. В 70-х — хиппи, диссидент. Эмигрировал в США, получил американское гражданство, работал на радио «Свобода». Казалось бы, типичный путь противника системы. Но в начале 90-х он возвращается в Россию с новой миссией. С благословения патриарха Алексия II он создает «Информационно-консультационный центр имени Иринея Лионского». Его цель — борьба с «тоталитарными сектами». Именно Дворкин вводит в русский язык этот зловещий термин, которого нет ни в одном законе, но который стал клеймом для сотен тысяч людей.

Дворкин и его соратники создали идеальный симулякр. Они создали врага, которого легко побеждать. С реальными проблемами — коррупцией, бедностью, беззаконием — бороться сложно и опасно. А с «сектантами» — легко и приятно. Это обеспечивает высокие статистические показатели для правоохранителей и создает иллюзию бурной деятельности по защите нации. Государство получило удобный инструмент для подавления любого инакомыслия, а антикультисты — почти неограниченную власть и, судя по всему, немалые ресурсы.

В 2009 году этот тихий переворот был формализован. Александр Дворкин, человек с американским паспортом и непрозрачным образованием, возглавил Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции России. Борец с сектами получил официальную государственную лицензию. С этого момента система заработала на полную мощность.

Десятилетиями эта машина перемалывала внутренние «угрозы». Она оттачивала риторику, создавала образы врага, училась манипулировать общественным сознанием. А потом этот опыт

пригодился для войны настоящей. Идеологическая подготовка к ней велась давно, и вели ее именно антикультисты. Демонизация религиозных меньшинств внутри страны стала идеальной тренировкой для демонизации целого народа за ее пределами.

И когда 27 марта 2024 года Всемирный русский народный собор под председательством Патриарха Кирилла опубликовал свой «Наказ», объявив войну в Украине «священной войной» русского народа против «впавшего в сатанизм» Запада, мозаика сложилась. Язык маргинальных сектоборцев стал официальным языком церкви и, по сути, государства. Паутина страха, которую они так долго плели внутри России, накрыла собой и ее соседей.

Так кто же они, эти серые кардиналы? Бескорыстные защитники православия или циничные манипуляторы, реализующие чей-то чужой, долгосрочный план? Являются ли они самостоятельной силой или лишь инструментом в чьих-то руках? И осознают ли в Кремле, что, дав волю этим людям, они, возможно, выпустили джинна из бутылки, который теперь угрожает не только «сектантам», но и самому государству?

Глава 1. Тихий инквизитор. Как Александр Дворкин строил систему нетерпимости

Когда мы пытаемся понять природу зла, нас часто тянет к масштабу. Мы ищем его в грохоте танков, в решениях, принимаемых за длинными столами в позолоченных залах, в приказах, отдаваемых генералами. Но иногда самое разрушительное зло произрастает в тишине, в пыльных кабинетах, в головах людей, которые кажутся незначительными. Оно маскируется под добродетель, говорит языком науки и спасения, и прежде чем мир осознает его истинное лицо, оно уже оплетает своими сетями целые государства. История, которую я собираюсь рассказать в этой главе, — это история именно такого зла. История человека, который, не будучи ни политиком, ни генералом, ни олигархом, стал одним из главных архитекторов той ментальной клетки, в которую сегодня заключена Россия. Эта история — детальное

исследование карьеры и личности Александра Леонидовича Дворкина, человека, известного как «главный сектовед России».

Для широкой публики он — «главный сектовед России», «профессор», непримиримый борец за чистоту православия, защищающий заблудшие души от хищных «тоталитарных сект». Для своих жертв — инквизитор XXI века, человек, сломавший тысячи судеб. Для исследователя — удивительный феномен, человек-загадка, человек-парадокс, человек-супергений. Его история — это квинтэссенция той эпохи мутной воды, в которой и выросла созданная им система. Его лицо мелькает на федеральных каналах, его цитаты украшают протоколы судебных заседаний, его «экспертные» заключения ложатся в основу обвинительных приговоров. Он создал себе образ интеллектуального стража, стоящего на защите духовной безопасности нации. Но если сорвать с этого образа позолоту официальных титулов и медийного глянца, перед нами предстает фигура куда более сложная и зловещая. Фигура, сотканная из парадоксов. Гражданин США, яростно борющийся с «западным влиянием». Человек без признанного в России научного звания, возглавляющий главный государственный орган по религиоведческой экспертизе. «Профессор», отчисленный из института за неуспеваемость. Чтобы понять, кто он на самом деле — ученый или манипулятор, спаситель или провокатор, — мы должны разобрать его путь. Мы должны разложить на составляющие миф, который он так тщательно выстраивал десятилетиями, и посмотреть, что скрывается за фасадом.

Любой миф имеет свое начало, свою точку опоры. Для Дворкина такой точкой всегда был его якобы безупречный академический авторитет. «Профессор», «доктор», «историк», «религиовед» — эти регалии должны были придавать вес его словам, превращая его личную нетерпимость в научную позицию. Но этот фундамент, как выясняется при ближайшем рассмотрении, построен на песке. История его «научной» карьеры начинается не с блестящих успехов, а с провала. В 1972 году юный Александр Дворкин поступает в Московский государственный педагогический институт. Позже, создавая себе образ диссидента, он будет намекать, что проблемы с властью у него начались из-за его участия в движении хиппи и инакомыслия. Это красивая

легенда, которая хорошо вписывается в биографию будущего борца с «агентами Запада» — мол, он сам был в их шкуре, знает врага изнутри. Но документы, как это часто бывает, рассказывают менее героическую историю. В 1975 году его отчисляют с третьего курса. Официальная причина прозаична и унизительна для будущего «профессора»: «за академическую неуспеваемость и систематические пропуски занятий». Это не просто деталь биографии. Это важный штрих к портрету, показывающий, что проблемы с академической дисциплиной и настоящей, кропотливой научной работой у Дворкина начались задолго до его эмиграции. Человек, который позже будет с легкостью выносить вердикты целым религиозным течениям, сам оказался неспособен справиться с учебным планом советского педвуза. Этот факт подрывает миф о нем как о прирожденном ученом, с младых ногтей тяготевшем к знаниям. Скорее, он рисует образ человека, ищущего легких путей и не терпящего системной работы, но при этом обладающего изворотливым умом, позволившим ему позже превратить этот провал в часть героической диссидентской легенды.

В 1977 году Дворкин эмигрирует в США. Именно там, в Америке, он закладывает фундамент своей будущей репутации. Получает американское гражданство. Работает на радиостанциях «Голос Америки» и «Свобода» — главных рупорах антисоветской пропаганды. Казалось бы, типичный путь диссидента, противника системы. Человек, выбравший свободу.

Но в США Дворкин не только борется с «коммунистическим режимом». Он находит новую страсть, новую миссию. Он погружается в мир американского антикультового движения, впитывая его методы, риторику и идеологию. Он тесно сотрудничает с такими организациями, как CAN (Cult Awareness Network), печально известной своими практиками «депрограммирования» — насильственного похищения людей из религиозных общин и оказания на них жесточайшего психологического давления с целью «вернуть в нормальную жизнь». Это был настоящий бизнес на человеческом горе, прикрытый благородными лозунгами. Впоследствии CAN обанкротилась под грузом судебных исков от своих жертв, но Дворкин к тому времени уже усвоил главный урок: для борьбы с «сектами» все средства хороши. Именно там, в США,

он получил образование, которое впоследствии станет его главным козырем и одновременно ахиллесовой пятой.

Он получает три диплома, которые впоследствии станут его щитом и мечом. Давайте рассмотрим их внимательно. Первый, полученный в 1980 году в Хантер-колледже Городского университета Нью-Йорка, — бакалавр по русской литературе. Безусловно, достойная специальность, но не имеющая никакого отношения ни к истории, ни к социологии, ни к психологии религии. Это диплом филолога. Второй, магистерский, получен в 1983 году в Свято-Владимирской православной духовной семинарии. Степень — Master of Divinity. И здесь кроется первая ключевая подмена понятий. Свято-Владимирская семинария — это конфессиональное учебное заведение Православной Церкви в Америке. Его основная задача — готовить священнослужителей, теологов, работников церковных структур. M.Div. — это профессиональная степень для будущего пастыря, а не академическая степень для ученого-исследователя. Теология, или богословие, по своей сути принципиально отличается от светского научного религиоведения. Теология исходит из веры и занимается апологетикой, защитой и объяснением догматов одной конкретной религии.

Религиоведение же — это объективная, отстраненная наука, изучающая религию как социальный и культурный феномен, используя методы истории, социологии, антропологии. Теолог смотрит на мир изнутри своей веры, религиовед — извне, пытаясь быть беспристрастным. Называть теолога религиоведом — это все равно что называть проповедника социологом. Дворкин, получив диплом богослова, получил подготовку именно как апологет православия, а не как объективный ученый.

Наконец, третий, самый весомый диплом — доктор философии (Ph.D.) по истории Средних веков, полученный в 1988 году в Фордхемском университете. Тема его диссертации звучит солидно: «Иван Грозный как религиозный тип». Фордхемский университет — иезуитское, то есть опять же конфессиональное, учебное заведение. Но главное даже не это. Главное — специализация. Дворкин защитил диссертацию как историк-медиевист. Его область компетенции, подтвержденная докторской степенью, — это русская история XVI века.

Это делает его специалистом по эпохе Ивана Грозного, но никак не экспертом по современным религиозным движениям, возникшим в XX и XXI веках. Представьте себе профессора, специализирующегося на тактике римских легионов, который на основании этого начинает давать экспертные заключения о применении беспилотников в современной войне. Абсурд? Именно такой абсурд и лежит в основе «экспертной» деятельности Дворкина. Вся его дальнейшая карьера — это гигантская манипуляция, построенная на экстраполяции его узкой исторической специализации на совершенно чуждую ему область — социологию и психологию современных религий. Он не религиовед. Он не социолог. Он не психолог. Он — историк-медиевист с образованием православного богослова. И это не оценочное суждение, а констатация факта, основанная на анализе его собственных документов об образовании.

Но самый сокрушительный удар по академическому мифу Дворкина наносит один простой юридический факт. Ни один из трех его американских дипломов так и не прошел в России процедуру нострификации. Нострификация — это официальное признание иностранных документов об образовании на территории другого государства. Без этой процедуры иностранный диплом для государственной системы — просто красивая бумага. Это означает, что с точки зрения российского законодательства, с точки зрения Высшей аттестационной комиссии (ВАК), которая присуждает в России ученые степени кандидата и доктора наук, у Александра Дворкина нет никакой ученой степени. Формально, юридически, для российской государственной машины он — человек со средним образованием, поскольку его единственный подтвержденный в СССР документ — это школьный аттестат. Двадцать с лишним лет он живет и ведет свою «научно-просветительскую» деятельность в России, но за все это время он так и не удосужился (или не смог) подтвердить свои американские дипломы. Почему? Ответ, вероятно, кроется в том, что при попытке нострификации его диссертации по медиевистике ему бы присвоили степень кандидата или доктора исторических наук, что никак не дало бы ему права выступать экспертом-религиоведом. А может, его дипломы и вовсе не соответствуют российским стандартам.

И тут мы подходим к разгадке его знаменитого титула. Откуда же взялся «профессор Дворкин»? Это звание, которым он так любит козырять, было присвоено ему не государственной аттестационной комиссией по результатам многолетней научной и педагогической работы. Оно было даровано ему в 1999 году личным указом Патриарха Алексия II как руководителю кафедры сектоведения в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете (ПСТГУ). В системе светского образования это нонсенс. В системе конфессионального вуза, где Патриарх является высшим авторитетом, — это возможно. Но важно понимать, что «профессор» в данном случае — это не ученое звание, а должность (профессор кафедры). Это примерно как если бы генеральный директор компании своим приказом назначил начальника отдела «академиком». В академическом мире это ничего не значит. Но для публики, для журналистов, для судей и прокуроров, не вникающих в тонкости аттестационной системы, слово «профессор» звучит как знак высшей научной квалификации. Отсюда и родилось язвительное прозвище «четырехкратный профессор», появившееся после того, как на сайте ПСТГУ его указали в качестве профессора сразу нескольких кафедр. Это была не похвала, а ирония над человеком, который коллекционирует должности, не имея подтвержденной государственной системы ученой степени.

Венчает эту конструкцию из подмен и манипуляций создание им собственной «научной» дисциплины — «сектоведения». Это слово, имевшее в дореволюционной России узкобогословское применение, Дворкин наполнил новым, зловещим содержанием и попытался придать ему научный статус. Но в официальной номенклатуре научных специальностей Российской Федерации никакой дисциплины «сектоведение» не существует. Это авторский новояз, фантом, симулякр науки, созданный для одной-единственной цели: легитимизировать борьбу с идеологическими противниками. Его главный труд, книга «Сектоведение. Тоталитарные секты», рекомендованный им для духовных семинарий, был разгромлен настоящими учеными. Например, доктор юридических наук, профессор Михаил Кузнецов, один из авторов закона «О свободе вероисповеданий» 1990 года, в своем экспертном заключении прямо написал, что книга Дворкина «с точки зрения

научного религиоведения и православной миссии совершенно бесполезна», а по сути является «идеологическим памфлетом». Это не наука. Это методичка по ведению идеологической войны, написанная языком, имитирующим научный.

Таким образом, вся академическая репутация «профессора Дворкина» — это колосс на глиняных ногах. Филолог, выдающий себя за религиоведа. Историк XVI века, выносящий суждения о религиях XXI века. Обладатель не признанных в России американских дипломов, возглавляющий государственную экспертизу. «Профессор» по церковному указу, а не по научным заслугам. Создатель псевдонаучной дисциплины для оправдания собственной деятельности. Осознание этого факта — ключ к пониманию всей его дальнейшей карьеры. Не имея реальной академической легитимности, он был вынужден строить свое влияние не на научном авторитете, а на организационных и политтехнологических методах. Он должен был создать машину, которая сделала бы его незаменимым и могущественным, невзирая на сомнительность его статуса.

Эта машина начала создаваться сразу после его возвращения в Россию 31 декабря 1991 года. Страна лежала в руинах идеологического и экономического хаоса. В духовной сфере царила пустота, которая стремительно заполнялась самыми разными учениями — от традиционных конфессий, вышедших из подполья, до экзотических восточных гуру и западных проповедников. Русская Православная Церковь, сама едва оправившаяся от десятилетий гонений, оказалась не готова к конкуренции. Она теряла паству, особенно молодежь. Ей нужен был кто-то, кто мог бы предложить простые и жесткие решения. И именно в этот момент на сцене появляется Дворкин, предлагая свои услуги. Он приносит с собой готовую технологию борьбы с конкурентами. Технологию, отточенную в США, простую и эффективную. Интересно, что поначалу, как он сам признавался, он отказывался от предложения протоиерея Глеба Каледы, тогдашнего главы сектора религиозного образования Патриархата, заняться «проблемой сект». Он хотел заниматься историей Церкви, своей прямой специальностью. Но все изменилось в 1993 году. После поездки на похороны своего американского духовника Иоанна Мейендорфа он

знакомится с человеком по имени Йоханнес Огор. Огор — фигура знаковая. Это датский лютеранский теолог, основатель одной из первых и самых агрессивных антикультовых организаций в Европе, «Диалог-Центра». Дворкин съездил к нему в Данию, увидел готовую, отлаженную модель работы — с картотеками «опасных групп», методами публичной дискредитации, связями с властями — и понял, что нашел свое призвание. Он решил не изобретать велосипед, а импортировать эту технологию в Россию. Это был поворотный момент: будущий «борец за русскую духовность» начал свою карьеру с копирования западных лекал.

Уже осенью 1993 года, получив благословение Патриарха Алексия II, он создает «Информационно-консультационный центр имени священномученика Иринея Лионского» (позже — Центр религиоведческих исследований, ЦРИ). Это была точка сборки, ядро будущей сети. Именно Дворкин вводит в русский язык и активно популяризирует зловещий термин «тоталитарная секта». Термин, которого нет ни в одном законе России, но который станет клеймом, выжигающим на судьбах людей знак врага народа.

Система, выстроенная Дворкиным, была гениальна в своей простоте. Зачем доказывать в суде, что та или иная религиозная группа нарушает закон? Это долго, сложно и не всегда возможно. Гораздо проще объявить ее «тоталитарной сектой». А дальше — дело техники. Начинается массированная кампания в СМИ, где членов группы изображают как «зомбированных» фанатиков, а их лидеров — как мошенников и маньяков. Находятся фиктивные «пострадавшие» — чаще всего это родственники адептов, недовольные их выбором, — которые рассказывают ужасы о «промывке мозгов», вымогательстве и разрушенных семьях. Затем в дело вступают «эксперты» — как правило, из числа соратников самого Дворкина по его же сети, — которые пишут нужные заключения, полные наукообразных терминов и бездоказательных обвинений. И эти сфальсифицированные «экспертизы», ложатся на стол следователю, прокурору, судье. Машина запущена. Мирные люди различных вероисповеданий превращаются в опасных преступников, подрывающих основы национальной безопасности.

Шаг за шагом Дворкин и его последователи сплетали свою паутину. В 2006 году эта сеть была неформально оформлена в «Российскую ассоциацию центров изучения религий и сект» (РАЦИРС), объединившую его последователей и единомышленников в десятках регионов страны. И здесь Дворкин совершает гениальный в своей циничности ход. РАЦИРС, эта всероссийская структура, рассылающая по управлениям ФСБ и прокуратуры свои «ориентировки» на «сектантов», побуждающая к возбуждению уголовных дел и поставляющая «карманных» экспертов для судов, не является юридическим лицом. Это не организация. Это клуб по интересам, сетевое сообщество. Этот статус «невидимки» дает ей колоссальное преимущество: она обладает огромным неформальным влиянием, но не несет абсолютно никакой юридической ответственности за свои слова и действия. Нельзя подать в суд на РАЦИРС за клевету. Нельзя привлечь РАЦИРС к ответственности за разжигание вражды. Это теневая структура, призрак, который при этом способен направлять руку вполне реального государственного репрессивного механизма. При этом ее головная организация, ЦРИ, вполне официально получала государственные гранты — например, 2,5 миллиона рублей в 2011 году на «помощь пострадавшим от тоталитарных сект». Сращивание с государством шло полным ходом: теневая сеть получала вполне реальные государственные деньги.

Но самым главным парадоксом, самым вопиющим лицемерием всей конструкции Дворкина является его международная деятельность. Этот аспект его карьеры — ключ к пониманию того, чьи интересы он может представлять на самом деле. Человек, построивший всю свою публичную риторику на борьбе с «тлетворным влиянием Запада», на том, что все «секты» — это агенты ЦРУ, стремящиеся развалить Россию, сам является неотъемлемой частью именно западной, глобальной антикультовой сети. С 2009 по 2021 год Дворкин занимал пост вице-президента организации под названием FECRIS — «Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве». РАЦИРС является российским представительством этой федерации. FECRIS — это зонтичная структура, объединяющая антикультистские группы по всей Европе, головной офис находится в Париже. А теперь —

главное. Согласно официальным отчетам, эта организация на 94% финансируется правительством Франции. Страны-члена НАТО, одного из столпов того самого «коллективного Запада», с которым так яростно борется Дворкин на словах.

Картина получается сюрреалистическая. Главный в России «борец с агентами Запада» сам является топ-менеджером европейской организации, существующей на деньги западного правительства. Более того, он является гражданином США, что он никогда особо и не скрывал. И этот факт почему-то совершенно не смущает ни его покровителей в РПЦ, ни кураторов в российских спецслужбах, которые с готовностью используют его «аналитику» для борьбы с внутренними врагами. Как такое возможно? Либо в российских органах госбезопасности царит вопиющая некомпетентность, либо Дворкин является фигурой куда более сложной, чем просто православный активист. Фигурой, которой позволено то, что не позволено никому другому. Возможно, его антизападная риторика — это лишь дымовая завеса, прикрытие для реализации проекта, который выгоден каким-то силам как на Западе, так и в России? Проекта по радикализации российского общества, по уничтожению в нем любого плюрализма и инакомыслия, по превращению его в монолитную, агрессивную массу, которой легко управлять. Этот вопрос остается открытым, но само наличие этого вопиющего противоречия заставляет усомниться в декларируемых целях Дворкина и его движении.

Создав организационное ядро и обеспечив ему международное прикрытие, Дворкин и его команда приступили к экспансии. Их главной целью стали умы и сердца тех, кто обладает реальной властью на местах, — сотрудников правоохранительных органов. Десятилетиями адепты Дворкина налаживали контакты, читали лекции для силовиков, писали методички для учителей, консультировали чиновников. Под видом «повышения квалификации» в области борьбы с экстремизмом они занимались чистой воды идеологической индоктринацией. Они обучали силовиков своей псевдонаучной терминологии: «тоталитарная секта», «деструктивный культ», «контроль сознания». Они вкладывали в их головы готовые шаблоны и стереотипы, объясняя, как по внешним признакам отличить «опасного сектанта» от «нормального верующего».

Они терпеливо объясняли, что главная угроза России исходит не от коррупции, не от бедности, не от правового нигилизма, а от «тоталитарных сект», которые являются агентами западных спецслужб, стремящихся развалить страну. В результате была воспитана целая плеяда силовиков, профессионально деформированных, неспособных к критическому мышлению и готовых с энтузиазмом выполнять «план по экстремизму», преследуя мирных граждан. Сеть РАЦИРС стала для них неформальным «центром компетенций», а сам Дворкин — непререкаемым авторитетом.

Они создали и легитимизировали врага, против которого можно было вести войну, не опасаясь серьезного сопротивления. Они дали силовикам «палочную систему» в чистом виде: количество запрещенных книг и ликвидированных организаций росло в геометрической прогрессии, обеспечивая красивые отчеты и карьерный рост.

Инфильтрация во власть была всеобъемлющей. В законодательной ветви Дворкин стал членом Экспертной группы по совершенствованию законодательства в сфере свободы совести при Комитете Государственной Думы. Это позволяло ему и его лоббистам влиять на принятие законов, ужесточающих контроль над религиозной жизнью, как это произошло, например, с печально известным «законом Яровой», который фактически запретил любую миссионерскую деятельность вне стен культовых зданий. Еще в 1996 году, на заре своей деятельности, антикультистам удалось пролоббировать в Думе постановление «Об опасных последствиях воздействия некоторых религиозных организаций», которое впервые на официальном уровне заговорило языком «тоталитарных сект» и заложило основу для будущего репрессивного законодательства.

В исполнительной власти ключевым плацдармом стало Министерство юстиции с его Экспертным советом. Это был контрольный пакет акций. Отныне любая новая религиозная организация, желающая получить регистрацию, или любая существующая, попавшая под подозрение, проходила через фильтр Дворкина. Его совет решал, является ли учение «религиозным», не содержит ли оно «экстремизма», соответствует ли оно «общепринятым нормам». На практике это превратилось в конвейер по производству

отказов в регистрации и отрицательных заключений, которые затем ложились в основу исков о ликвидации.

В силовых структурах — МВД, ФСБ, прокуратуре — влияние Александра Дворкина осуществлялось через «просветительскую» работу. Агенты РАЦИРС по всей стране читали лекции для оперативников и следователей, где под видом научного анализа преподносили свои идеологические установки. Они объясняли, как отличить «правильную» религию от «секты», на какие признаки обращать внимание при проверках, какие вопросы задавать на допросах. Они формировали профессиональную деформацию у целого поколения силовиков, которые начинали видеть «экстремизм» в вегетарианстве, йоге или чтении восточной философии. РАЦИРС, не будучи даже юридическим лицом и не неся никакой ответственности, рассылала по региональным управлениям свои «информационные бюллетени» и «заявления», которые воспринимались как прямое руководство к действию. Мнение Дворкина, озвученное в СМИ, часто становилось спусковым крючком для возбуждения уголовного дела в каком-нибудь далеком регионе.

Судебная система стала последним, но важнейшим звеном в этой цепи. Судьи, как и силовики, в большинстве своем не являются специалистами в вопросах религии. Сталкиваясь со сложным делом, они вынуждены опираться на заключения экспертов. И тут на сцене появлялись все те же люди из сети РАЦИРС. Они готовили для суда «религиоведческие», «лингвистические» и «психологические» экспертизы, в которых доказывали «деструктивный» характер учения и «вред для психического здоровья» адептов. Защита могла представлять заключения настоящих, всемирно признанных ученых, докторов наук, академиков. Но суд, как правило, отдавал предпочтение «официальной» экспертизе, назначенной следствием или самим судом по рекомендации следствия. Так создавалась иллюзия законности и объективности.

Наконец, удар был нанесен по будущему — по системе образования. «Сектоведение» по Дворкину стало проникать в вузы и даже школы. Его учебник «Сектоведение. Тоталитарные секты», который профессиональные религиоведы называют «идеологическим памфлетом» и «псевдонаучным» трудом, был рекомендован для

духовных семинарий и даже некоторых светских вузов. На юридических и исторических факультетах в регионах студентам предлагали писать курсовые работы о «вреде новых религиозных движений», используя в качестве основного источника сайт Дворкина. Так готовилась новая смена — юристы, чиновники, учителя, изначально зараженные вирусом нетерпимости.

Но главным оружием, краеугольным камнем всей этой системы, была и остается магия слов. Магия манипулятивных, не имеющих юридического содержания терминов. «Тоталитарная секта». «Деструктивный культ». «Контроль сознания». «Промывка мозгов». Эти ярлыки, не обладая никакой правовой или научной определенностью, обладают колоссальной разрушительной силой. Они работают как вирус, проникая в общественное сознание и вызывая иррациональный страх и ненависть. Слово «секта» в России исторически имеет крайне негативную коннотацию, ассоциируясь с чем-то тайным, преступным, антисоциальным. Дворкин лишь добавил к нему приставку «тоталитарная», перенеся на религиозные группы весь ужас, связанный с политическими режимами XX века.

Почему этот инструмент так эффективен? Именно из-за своей юридической пустоты. Поскольку в законе нет определения «секты», невозможно юридически доказать, что твоя организация ею не является. Обвинение не требует доказательств, оно само является приговором. Стоит «эксперту» Дворкина или подконтрольному ему СМИ навесить на группу этот ярлык, и она автоматически оказывается вне правового поля, в серой зоне, где презумпция невиновности уже не работает. Для обывателя, чиновника, полицейского человек из «секты» — уже не совсем человек. Он «зомби», «жертва манипуляции», его права можно и нужно ограничивать «для его же блага».

Профессиональное сообщество — юристы, правозащитники, настоящие ученые-религиоведы — било в набат с самого начала. «Ни одна светская школа религиоведения не принимает эту терминологию», — твердили они. «Эти понятия предвзяты, необъективны и не имеют четких критериев», — писали в своих заключениях юристы. «Использование термина "секта" в отношении законопослушных верующих является нарушением свободы совести», — постановляла Гильдия экспертов по

религии и праву. Коллегия по жалобам на прессу неоднократно указывала журналистам на неэтичность использования этого слова. Но все было тщетно. Машина, запущенная Дворкиным, была сильнее. Она создала свою реальность, свой язык, свои правила игры.

К концу 2000-х машина была отлажена и готова к последнему, решающему шагу. От неформального влияния нужно было перейти к прямому контролю над государственными институтами. И этот шаг был сделан в апреле 2009 года. Этот день можно считать датой формального завершения «тихого переворота» в сфере государственной конфессиональной политики. Александр Дворкин — человек с американским паспортом, с неподтвержденными в России дипломами, с бэкграундом православного богослова и историка-медиевиста — был избран председателем Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. Это событие вызвало шок и ступор в научном и правозащитном сообществе. В отчете Госдепартамента США о свободе совести за тот год прямо указывалось, что это назначение вызвало серьезную обеспокоенность, поскольку Дворкин был известен своей враждебностью к религиозным меньшинствам. Видные российские религиоведы писали открытые письма, заявляя об абсурдности ситуации: человек, отрицающий научное религиоведение как таковое, возглавил главный государственный орган, призванный давать именно научную оценку религиозным организациям. Это было все равно что назначить астролога главой комиссии по космонавтике. Борец с сектами получил не просто лицензию, он получил в свои руки судейский молоток и печать. С этого момента конвейер запретов заработал на полную мощность. Экспертный совет при Минюсте превратился в карательный орган, а аффилированные с Дворкиным «эксперты» из сети РАЦИРС получили официальный статус. Власть думала, что использует антикультистов как удобную «дубинку» для зачистки вражеского идеологического поля. В реальности же антикультисты использовали власть как ресурс для построения собственной теневой империи. Они не просто боролись с «сектами». Они подменяли собой государство, присваивая его функции: законодательную (лоббируя нужные законы), исполнительную (диктуя

Минюсту, кого регистрировать, а кого нет), правоохранительную (инициируя уголовные дела) и судебную (поставляя «правильные» экспертизы).

Схема, отработанная годами, была легитимизирована. Любое неугодное религиозное движение теперь можно было уничтожить «по закону». Именно заключения, написанные под копирку людьми из окружения Дворкина, легли в основу решения Верховного суда о признании «Управленческого центра Свидетелей Иеговы в России» экстремистской организацией и запрете ее деятельности. Сотни мирных верующих, чей главный «экстремизм» заключался в отказе от службы в армии и переливания крови, отправились в тюрьмы. Именно на основании подобных «экспертиз» были инициированы уголовные дела против саентологов в Москве и Санкт-Петербурге, где их книги и материалы объявлялись «экстремистскими» за утверждения о духовном совершенствовании. Конвейер работал без сбоев: донос из регионального центра РАЦИРС, экспертиза от «проверенного» специалиста, часто из того же города, иск прокуратуры и предсказуемое решение суда, который не решался ставить под сомнение официальное заключение, одобренное структурой при Минюсте. Государство, само того не понимая, делегировало функцию вынесения приговора группе идеологических фанатиков.

Ирония судьбы, однако, заключается в том, что система, которую так любит использовать Дворкин — система вынесения вердиктов на основании «экспертных» заключений, — однажды обернулась против него самого. В 2014 году разразился скандал, который, казалось, должен был положить конец его карьере. Адвокаты одной из организаций, пострадавших от его деятельности, подали запрос в знаменитый Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии имени В.П. Сербского с просьбой провести психолого-психиатрическую экспертизу самого Дворкина на основании видеозаписей его публичных выступлений и текстов. Центр Сербского, разумеется, не мог провести экспертизу личности без ее присутствия. Но специалисты центра пошли на неординарный шаг: они провели анализ представленных материалов в обезличенном виде. Их выводы, изложенные в официальном заключении, были ошеломляющими. Эксперты обнаружили в

высказываниях «объекта исследования» признаки «бредовых идей», «сверхценных образований» и «искаженного, бредового толкования» реальных событий. Итоговый вердикт был убийственным: человек с такими характеристиками не может заниматься адекватной экспертной и научной деятельностью. Конечно, это заключение не имело прямых юридических последствий для Дворкина. Но с моральной и репутационной точки зрения это был нокаут. Главный диагност «духовных болезней» сам получил неофициальный, но от этого не менее веский «диагноз» от ведущих психиатров страны. Человек, который годами вешал на других ярлыки «психически нездоровых зомби», сам оказался под подозрением в неадекватности.

Подводя итог этому исследованию, мы видим, как из тумана 90-х, из хаоса и духовной смуты выросла и заматерела фигура Александра Дворкина. Это не ученый и не защитник веры. Это виртуозный и циничный политтехнолог, который сумел конвертировать свои весьма скромные исходные данные в огромное политическое влияние. Он построил свою карьеру на серии обманов: сфальсифицировал академический авторитет, прикрывшись непризнанными в России дипломами и самодельным «сектоведением»; создал по западным лекалам безответственную, но могущественную теневую сеть, обеспечив ей парадоксальное финансирование от тех, с кем он якобы бореси; и, наконец, увенчал свою конструкцию захватом контроля над ключевым государственным органом, превратив его в личный инструмент для расправы с неугодными.

Технология демонизации, которую он оттачивал десятилетиями на «внутренних врагах» — на баптистах, кришнаитах, пятидесятниках, — оказалась чрезвычайно востребованной. Он научил российское государство языку ненависти. Он показал, как легко можно объявить любую группу людей «экстремистами», «врагами», «недочеловеками» и оправдать любые репрессии против них. Эта технология, этот вирус нетерпимости, был не самоцелью. Он стал тем полигоном, той тренировочной базой, на которой были отработаны идеологические и репрессивные приемы, которые затем, когда пришло время, были с легкостью экстраполированы с «сект» на целый народ, на соседнюю страну. «Тихий переворот», совершенный Дворкиным и его серыми

кардиналами в сфере религии, стал незаметным, но критически важным прологом к той «священной войне», которая сегодня полыхает уже не на страницах экспертных заключений, а на реальных полях сражений. И чтобы понять, как это произошло, мы должны посмотреть на исторические прецеденты, которые до ужаса точно предсказали российский путь. Мы должны заглянуть в Германию 1930-х годов.

Глава 2. Экспертиза как оружие: фабрика судебных дел

Мы привыкли думать о репрессиях в категориях грубой силы. В нашем воображении возникают образы черных воронков, гулких шагов в ночном коридоре, лязга тюремных затворов. Но современная тирания предпочитает иной инструментарий. Она носит не сапоги, а деловой костюм. Ее оружие — не винтовка, а авторучка. Ее главный каземат — не подвал на Лубянке, а папка с делом на столе судьи. Самые разрушительные приговоры сегодня выносятся не под покровом ночи, а при свете дня, в зале суда, под маской законности и с печатью научной обоснованности. Представьте себе конвейер, огромный, бездушный, работающий в три смены. На одном его конце на ленту поступает «сырье»: неугодная религиозная группа, слишком популярная книга, независимый проповедник, да и просто любой человек, чья система ценностей отличается от предписанной. А на другом конце с ленты сходит готовый, упакованный «продукт»: обвинительное заключение по статье «экстремизм», решение суда о ликвидации целой организации, тюремный срок за чтение священных текстов. Этот конвейер не вымысел. Он существует, и его цеха разбросаны по всей стране, от Калининграда до Хабаровска. Он работает без сбоев, методично перемалывая человеческие судьбы и превращая их в статистику «борьбы с угрозами национальной безопасности».

Сердцем этого конвейера, его главным и самым сложным станком, является узел, который мы назовем «цехом экспертных заключений». Именно здесь происходит ключевое таинство превращения инакомыслия в преступление. Именно здесь беззаконие облачается в мантию научности. В этом цехе экспертиза давно перестала быть инструментом поиска истины. Она превратилась в свою противоположность — в инструмент обоснования заранее принятого обвинительного решения. Ее задача — не проанализировать факты, а подогнать их под нужную статью Уголовного кодекса. Она не отвечает на вопрос «виновен ли?», она штампует ответ: «виновен, потому что…». И дальше следует набор наукообразных терминов, призванных

парализовать волю судьи и создать у общества иллюзию справедливости происходящего.

Технологический процесс на этой фабрике отлажен до мелочей, он стандартизирован и легко воспроизводится в любом регионе. Начинается все с «заказа». Сигнал может поступить от регионального филиала РАЦИРС — сети, выстроенной Александром Дворкиным и описанной в предыдущей главе.

Далее следует «подбор инструмента». На сцену выходят «эксперты». В подавляющем большинстве случаев это не признанные в научном мире специалисты, а «карманные» эксперты из той же сети Дворкина или просто лояльные власти сотрудники провинциальных вузов, часто не имеющие ни малейшей квалификации в той области, по которой им предстоит дать заключение. Математики становятся лингвистами, историки Средневековья — специалистами по новым религиозным движениям, преподаватели физкультуры — психологами. Главный критерий отбора — не компетентность, а лояльность и готовность подписать нужный документ.

Третий этап — «производство». Это написание самого «экспертного» заключения. Тексты этих документов часто похожи друг на друга как две капли воды, словно написаны под копирку по единому шаблону. В них обязательно используется специфический псевдонаучный вокабуляр, созданный и внедренный школой Дворкина: «деструктивный культ», «тоталитарная секта», «контроль сознания», «психологическое манипулирование». Утверждение об истинности своей веры, являющееся основой любой религии, трактуется как «разжигание розни» и «пропаганда исключительности». Медитация или эмоциональная молитва превращаются в «причинение вреда психическому здоровью путем введения в трансовые состояния».

И наконец, финальный этап — «контроль качества», который на самом деле является актом формальной легализации продукта. Следователь принимает такое заключение как главный козырь обвинения. Прокурор строит на нем всю свою речь. А суд, сталкиваясь с документом, скрепленным печатями и подписями «экспертов», чаще всего не решается ставить его под сомнение. Любые альтернативные экспертизы, представленные защитой, даже если они выполнены

академиками и всемирно признанными учеными, как правило, игнорируются или отметаются под формальными предлогами. Конвейер завершил свой цикл. «Готовый продукт» отправляется в архив судебных решений, а «отработанное сырье» — в колонию.

Цех №1: Тестовый запуск конвейера. Дело «Бхагавад-гиты»

Любой сложный механизм перед запуском в серийное производство проходит обкатку. Для фабрики судебных дел таким испытательным полигоном, тестовым запуском конвейера стал томский процесс 2011 года. В предыдущей главе мы уже касались этого дела как яркого симптома болезни, поразившей российскую правовую систему. Теперь же нам предстоит рассмотреть его с иной, технологической точки зрения. Это была не просто юридическая ошибка или глупость провинциальных силовиков. Это была тщательно спланированная и скоординированная операция, пробный шар, призванный проверить, способна ли система «переварить» и объявить экстремистским не маргинальную листовку неонацистов, а всемирно известный памятник духовной культуры, священный для сотен миллионов людей. И хотя формально тест закончился провалом, его организаторы получили бесценный опыт, который лег в основу всех последующих, куда более «успешных» кампаний.

Напомним фабулу. В июне 2011 года прокуратура Томска, действуя по поручению местного управления ФСБ, подала в суд иск с требованием признать экстремистским материалом книгу «Бхагавад-гита как она есть». Объектом атаки стала не сама древняя «Гита», а ее самый популярный в мире перевод с комментариями, выполненный основателем Международного общества сознания Кришны (ИСККОН) А.Ч. Бхактиведантой Свами Прабхупадой. Главным и, по сути, единственным «доказательством» обвинения служило экспертное заключение, подготовленное комиссией из трех сотрудников Томского государственного университета (ТГУ). Именно анатомия этой первой,

пилотной экспертизы представляет для нас наибольший интерес. Она — эталонный образец псевдонаучного продукта, созданного по лекалам дворкинской школы.

Во-первых, сам состав «экспертной» группы. В нее вошли профессор кафедры общей и педагогической психологии, доцент кафедры философии и заведующий кафедрой романских языков. Ни один из них не был ни индологом, ни санскритологом, ни специалистом по философии индуизма. Их совокупная компетенция в вопросе, по которому они должны были вынести вердикт, была равна нулю. Это классический прием фабрики: для вынесения приговора привлекаются люди с научными званиями, но из совершенно других областей, чьи регалии должны произвести впечатление на суд, а некомпетентность гарантирует послушное подписание нужных выводов.

Во-вторых, содержание самого заключения. Это был шедевр демагогии и подмены понятий. Эксперты из ТГУ, не моргнув глазом, трактовали философские и теологические положения индуизма как призывы к насилию и унижению. Например, тезис из комментариев Прабхупады о том, что преданное служение Богу (бхакти-йога) является высшим путем, в то время как другие пути (например, кармическая деятельность ради плодов) менее совершенны, был интерпретирован как «пропаганда неполноценности» и «унижение достоинства» последователей других верований и атеистов. Критика материалистического образа жизни, распространенная во многих религиях, была названа «формированием негативного образа» социальной группы «люди, не являющиеся кришнаитами». Упоминание в тексте о битвах, описанных в древнем эпосе «Махабхарата», частью которого является «Гита», было вырвано из контекста и представлено как призыв к насилию. И, что самое важное, заключение было пропитано специфической «антисектантской» лексикой: эксперты постоянно указывали на «сектантский» характер учения, на то, что ИСККОН «не является традиционным индуизмом». Это был явный маркер, указывающий на источник их «вдохновения» — методички и публикации из сети РАЦИРС.

Кульминацией и одновременно крахом этой экспертизы стал допрос ее авторов в зале суда. Это была редкая и поучительная сцена,

которая в последующих, более отлаженных процессах уже не повторялась. Под градом точных и профессиональных вопросов со стороны защиты, которую представляли квалифицированные юристы и ученые-индологи, наукообразная спесь с «экспертов» слетела мгновенно. Они начали путаться в показаниях, признаваться, что не владеют санскритом, что не изучали первоисточники, что их выводы носили предположительный характер. В конце концов, загнанные в угол, они совершили немыслимое — публично, под протокол, фактически отказались от своих выводов, признав заключение «несостоятельным и ненаучным». Это был полный провал. Главный станок фабрики дал сбой на первом же испытании. Суд, оказавшийся в абсурдной ситуации, был вынужден назначить повторную экспертизу, теперь уже в Кемеровском университете, специалисты которого, к слову, также не смогли прийти к единому мнению и выдать обвинительное заключение.

И вот здесь на авансцену вышла тень, которая незримо присутствовала в этом деле с самого начала. Тень человека, чье имя для посвященных давно стало синонимом религиозной нетерпимости. Александр Дворкин. Хотя он не был формальным участником процесса, его тень незримо присутствовала в нем с самого начала. Дворкин развернул бурную деятельность в СМИ, выступая главным публичным защитником и легитиматором томского судилища. Он давал многочисленные интервью, в которых полностью поддерживал позицию обвинения. «Претензии к книге „Бхагавад-гита как она есть“ совершенно обоснованны, — вещал он. — Основные претензии предъявляются не к самому тексту, а к комментариям Шрилы Прабхупады, которые носят откровенно человеконенавистнический и оскорбляющий характер». Этот голос, звучавший из Москвы, придавал провинциальному фарсу вес столичной экспертизы и государственной важности. Дворкин, занимавший на тот момент пост председателя Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции, фактически давал индульгенцию на правовой беспредел.

Более того, как показало последующее расследование, проведенное ученым Николаем Карпицким, медийная атака на книгу началась скоординированно и заблаговременно. Еще до начала

судебного процесса соратник Дворкина по РАЦИРС, печально известный антикультист Максим Степаненко, начал рассылать по СМИ пресс-релизы, в которых, ссылаясь на якобы имеющуюся у него экспертизу (ту самую, которая еще не была представлена даже суду), обвинял кришнаитов в экстремизме. Это доказывает, что томский процесс не был спонтанной инициативой. Это была спланированная акция, где роли были заранее распределены: местные силовики инициируют дело, «карманные» эксперты готовят «обоснование», а федеральный центр в лице Дворкина обеспечивает идеологическое и медийное прикрытие.

Почему же, несмотря на такую подготовку, конвейер дал сбой? Главной причиной стал фактор, который организаторы не учли, — мощнейший международный резонанс. Они атаковали не маленькую, беззащитную общину, а текст, священный для миллиардной Индии, стратегического партнера России. Когда новость о суде дошла до Дели, разразилась буря. Индийский парламент прерывал свою работу, требуя от правительства немедленно вмешаться. Возмущенные граждане выходили на демонстрации, на которых жгли российские флаги. Глава МИД Индии назвал происходящее «абсурдом». Российская дипломатия оказалась в унизительном положении, послу и МИДу пришлось неуклюже оправдываться и называть инициаторов процесса «сумасшедшими». Даже системный уполномоченный по правам человека в РФ Владимир Лукин назвал процесс «неприемлемым». Под таким давлением судебная система, обычно глухая к доводам разума, дрогнула и не решилась выносить обвинительный приговор. 28 декабря 2011 года суд первой инстанции отказал в иске, а 21 марта 2012 года областной суд подтвердил это решение.

Победа? Да, но пиррова. Для общества и для кришнаитов это была победа здравого смысла. Но для технологов фабрики это был ценнейший урок. Да, он дал сбой из-за внешнего вмешательства, но сама цепочка — донос, заказная «экспертиза», послушная прокуратура, готовая идти в суд с любым абсурдом, — доказала свою жизнеспособность. Общество, за исключением горстки правозащитников и ученых, осталось безучастным. А значит, можно было продолжать.

Они сделали два главных вывода. Во-первых, система уязвима к внешнему давлению, когда в качестве мишени выбирается слишком «статусная» цель с мощным международным лобби. Во-вторых, и это главный вывод, сам механизм, сама технологическая цепочка «донос ФСБ → заказная экспертиза → послушная прокуратура» доказала свою принципиальную работоспособность. Она дала сбой на последнем этапе, в суде, но лишь из-за чрезвычайных обстоятельств. Нужно было лишь усовершенствовать технологию и правильно выбирать цели. Необходимо было, во-первых, готовить экспертизы более тщательно, чтобы они не разваливались при первом же допросе в суде. А во-вторых, выбирать в качестве жертв тех, за кого не вступится ни парламент Индии, ни Госдепартамент США. Тех, кто был непопулярен в обществе и не имел за спиной мощных заступников. Уроки были извлечены. Усвоив ценные уроки и успешно завершив тестовый режим, фабрика была готова к масштабированию — переходу на серийное производство. Для успешной реализации этих планов требовалось укрепить позиции внутри государственной машины.

Цех №2: Массовое производство. Ликвидация Свидетелей Иеговы

Если томский процесс над «Бхагавад-гитой» был тестовым запуском конвейера, то кампания по ликвидации Свидетелей Иеговы стала его триумфом — переходом к полномасштабному, серийному производству врагов народа. Здесь уроки, извлеченные из первого провала, были учтены и применены с безжалостной эффективностью. Мишень была выбрана идеально. Свидетели Иеговы представляли собой «идеальную жертву» для отладки репрессивной машины. Во-первых, это была крупная, централизованная организация с тысячами последователей по всей стране, что позволяло отчитываться о борьбе с «массовой угрозой». Во-вторых, их вероучение, основанное на пацифизме, включало в себя практики, крайне непопулярные в милитаризованном российском обществе: категорический отказ от

службы в армии и запрет на переливание крови. Это делало их легкой мишенью для пропаганды, изображавшей их как асоциальных элементов, подрывающих устои государства и ставящих под угрозу жизнь людей. В-третьих, в отличие от индуистов, у них не было за спиной мощного государственного заступника, способного вызвать дипломатический кризис. Они были практически беззащитны перед лицом государственной машины.

Именно на них было решено опробовать главное оружие массового поражения, усовершенствованную модель «экспертного заключения», устойчивую к критике в суде. Ключевой фигурой в этом процессе, главным «инженером» цеха массового производства, стал Александр Дворкин, который использовал своих людей в суде для предоставления экспертиз через московский «Центр социокультурных экспертиз». Эта система представляла собой воплощение всей порочности и псевдонаучности, где заключения, написанные как под копирку, легли в основу судебных решений по всей России, от запрета брошюр и сайтов до полной ликвидации юридических лиц. Давайте вскроем методологию этих экспертиз, этот черный ящик, превращающий Библию в экстремистский текст. Они — эталон манипуляции, основанный на нескольких простых, но чрезвычайно эффективных приемах. Первый и главный прием — криминализация утверждения об исключительности. Это гениальная в своей абсурдности находка. Любая авраамическая религия — христианство, ислам, иудаизм — по своей сути эксклюзивистская. Каждая из них утверждает, что именно ее путь ведет к спасению, а другие пути либо ошибочны, либо менее совершенны. Это альфа и омега теологии. Эти экспертизы и следующая за ними судебная система объявили этот фундаментальный принцип религиозной веры… признаком экстремизма. В них, которые легли в основу решения Верховного суда, черным по белому было написано, что Свидетели Иеговы «пропагандируют превосходство своей религии», поскольку утверждают, что их учение является истинным. «То, что Свидетели Иеговы считают свою веру истинной, было представлено как доказательство их превосходства над другими и, следовательно, как экстремизм». Этот тезис — ядерная бомба под всем зданием свободы совести. Следуя этой логике, можно запретить любую

религию. Православный, говорящий «вне Церкви нет спасения», — экстремист. Мусульманин, утверждающий, что Коран — последнее и истинное откровение Бога, — экстремист. Любой верующий, убежденный в правоте своей веры, автоматически становится преступником.

Второй прием — превращение богословской полемики в разжигание розни. В литературе Свидетелей Иеговы, как и в трудах многих других конфессий, содержится критика догматов других религий. Например, они не принимают догмат о Троице, считая его небиблейским. В этих экспертизах эта чисто теологическая дискуссия, ведущаяся столетиями, была представлена как «унижение человеческого достоинства» последователей православия и «возбуждение религиозной розни». Критика религиозной доктрины была приравнена к нападкам на людей. Это все равно что объявить физика, критикующего теорию струн, виновным в разжигании ненависти к ее сторонникам.

Третий прием — трактовка религиозных предписаний как подрыва устоев. Пацифистская позиция Свидетелей Иеговы и их отказ от военной службы по соображениям совести (к слову, право на альтернативную гражданскую службу гарантировано Конституцией РФ) были представлены как «подрыв основ конституционного строя» и «побуждение к отказу от исполнения гражданских обязанностей». Их отказ от переливания крови на основании библейских текстов был расценен не как реализация права пациента на отказ от медицинского вмешательства, а как «создание угрозы жизни и здоровью граждан».

Вооруженный этой примитивной, но эффективной методологией, конвейер заработал на полную мощность. Десятки экспертиз Дворкина и его людей, штампуемых в Москве, рассылались по регионам, где становились основанием для местных судов, запрещающих одну за другой брошюры, журналы и сайты Свидетелей Иеговы. К 2017 году был накоплен достаточный «экспертный» и судебный массив, чтобы перейти к финальному акту — полной ликвидации всей организации. Кульминация наступила 20 апреля 2017 года. В этот день Верховный суд Российской Федерации, рассмотрев иск Министерства юстиции, вынес решение о признании «Управленческого центра Свидетелей Иеговы в России» и всех его 395 региональных филиалов экстремистскими

организациями, запрете их деятельности и конфискации всего имущества в пользу государства. Заседание суда было чистым фарсом. Судьи полностью проигнорировали все доводы защиты. Они проигнорировали заключения десятков настоящих ученых-религиоведов, которые доказывали абсурдность обвинений. Они целиком и полностью положились на те самые заключения людей Дворкина и других аффилированных с РАЦИРС «экспертов», которые им представило Министерство юстиции. Машина сработала безупречно. Сотни тысяч мирных граждан в одночасье были объявлены в своей стране вне закона. Начались массовые обыски, аресты и уголовные дела, которые продолжаются по сей день.

И вот здесь история делает круг и возвращается к вопросу о легитимности. Вся эта гигантская репрессивная кампания, затронувшая сотни тысяч человек, была построена на фундаменте из псевдонаучных, предвзятых экспертиз. И окончательный, сокрушительный приговор этой «фабрике» был вынесен на международном уровне. 7 июня 2022 года Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), рассмотрев жалобы Свидетелей Иеговы, вынес разгромное решение. Это уже не мнение правозащитников или оппозиционных журналистов. Это вердикт высшей европейской судебной инстанции, обязательный для России на момент его вынесения.

ЕСПЧ в своем решении буквально уничтожил всю конструкцию обвинений. Суд прямо указал, что российское определение «экстремизма» является «чрезмерно широким» и «было неправильно использовано для преследования верующих». ЕСПЧ постановил, что российские власти нарушили базовые права человека, гарантированные Европейской конвенцией: право на свободу мысли, совести и религии (статья 9), право на свободу выражения мнения (статья 10) и право на свободу собраний и объединений (статья 11). Суд потребовал от России прекратить уголовное преследование Свидетелей Иеговы, освободить всех заключенных и вернуть конфискованное имущество или выплатить компенсацию.

Этот вердикт — юридическое доказательство того, что вся кампания против Свидетелей Иеговы была не борьбой с реальным экстремизмом, а актом религиозной дискриминации, основанным на

сфальсифицированных «доказательствах». Он подтвердил, что «фабрика судебных дел» производит не правосудие, а беззаконие, упакованное в юридическую форму. Цех массового производства доказал свою чудовищную эффективность, но его продукция, как оказалось, не выдерживает проверки на соответствие даже базовым стандартам права и здравого смысла. Однако, пока международные суды выносили свои вердикты, фабрика уже открывала новый, еще более изощренный производственный цех.

Цех №3: Психологическое оружие. Дело «Церкви Благодать»

По мере того как технология признания «экстремистами» оттачивалась и ставилась на поток, у фабрики судебных дел возникла потребность в диверсификации. Ярлык «экстремизм» был эффективен, но не универсален. Он плохо подходил для преследования тех групп, в чьих текстах и проповедях при всем желании было трудно найти «пропаганду исключительности» или «разжигание розни». Нужен был новый инструмент, новое оружие, способное поражать иные цели. И такое оружие было найдено. Им стало обвинение в «причинении вреда здоровью». Этот новый фронт был открыт против обширной и разнообразной группы верующих — пятидесятнических и харизматических церквей.

Их уязвимость заключалась не в текстах, а в практиках. Экспрессивные формы богослужения, характерные для этих движений, — громкая, эмоциональная молитва, возложение рук, и, самое главное, «говорение на иных языках» (глоссолалия) — для неподготовленного взгляда выглядят странно, пугающе, даже дико. Эти практики легко представить публике и, что важнее, суду как нечто опасное, как форму агрессивного психологического воздействия, разрушающего психику человека. Так родилась новая технология: криминализация самого религиозного опыта. Эмоциональный или духовный подъем, который верующий испытывает во время молитвы, был переведен на язык Уголовного кодекса и превращен в «тяжкий вред здоровью».

Эталонным примером работы этого нового цеха стало дело «Церкви христиан веры евангельской "Благодать"» в Хабаровске. В 2011 году, практически одновременно с процессом над «Бхагавад-гитой» в Томске, Хабаровский краевой суд удовлетворил иск прокурора и ликвидировал эту религиозную организацию. Но на этот раз обвинение было сформулировано иначе. Церковь запретили не за «экстремизм», а за то, что ее деятельность «сопряжена с причинением вреда здоровью граждан».

Давайте проведем тщательный анализ экспертизы, которая легла в основу этого приговора. Это была комплексная судебно-медицинская психолого-психиатрическая экспертиза. Механика подмены здесь была доведена до совершенства.

На входе, в качестве «сырья», экспертам были предоставлены описания религиозных практик церкви, полученные в ходе прокурорской проверки: «громкая коллективная молитва, приводящая к разговору на „иных языках“», «ритуалы сошествия Святого Духа», «обряды возложения рук пастором на прихожан». Для верующих-пятидесятников это — таинства, глубочайшие духовные переживания, свидетельства Божьего присутствия.

На выходе, в заключении экспертов, эти же самые практики были описаны совершенно иным, медицинским языком. Это была «научная» интерпретация, превращавшая таинство в патологию. Громкая молитва и глоссолалия были названы «методиками психологического воздействия», содержащими «элементы внушения, самовнушения и психологического манипулирования». Состояние религиозного экстаза было определено как «введение в измененное (трансовое) состояние сознания».

Эксперты установили, что систематическое применение определённых «методик» в деятельности религиозного объединения наносит серьёзный вред психике человека, что выражается в развитии расстройства адаптации с элементами смешанной тревожной и депрессивной реакции. Этот медицинский диагноз, согласно нормативным актам, был квалифицирован как причинение тяжкого вреда здоровью, что подпадает под состав преступления, предусмотренного статьёй 239 Уголовного кодекса РФ, которая

устанавливает ответственность за создание религиозного объединения, деятельность которого связана с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью. Таким образом, выстраивалась логически последовательная манипулятивная цепочка: религиозный опыт, включающий такие практики, как молитва или глоссолалия, интерпретировался через призму психиатрических терминов, таких как «трансовое состояние» или «внушение». Далее этому состоянию приписывался конкретный медицинский диагноз — «расстройство адаптации». На основании этого диагноза следовал юридический вывод о причинении тяжкого вреда здоровью, что в конечном итоге приводило к ликвидации организации и возбуждению уголовных дел. Эта последовательность действий обеспечивала безупречное обоснование для правовых мер, связывая религиозные практики с юридическими последствиями через медицинскую и психиатрическую аргументацию.

Логика этой подмены поистине дьявольская. Ведь при желании любой сильный эмоциональный опыт можно описать в терминах «измененного состояния сознания». Чувство катарсиса, которое испытывает зритель в оперном театре, слушая великую арию. Экстаз футбольного болельщика на стадионе, когда его команда забивает гол. Состояние «потока», в которое входит спортсмен или ученый. Все это — измененные состояния сознания. Фабрика Дворкина научилась превращать этот научный факт в юридическое обвинение. Это универсальный ключ, отмычка, которой можно вскрыть любую дверь. Сегодня они применяют ее к пятидесятникам, а завтра могут применить к спортивным фанатам, к рок-музыкантам, к кому угодно, чья деятельность вызывает сильные эмоции, которые можно объявить «вредными для здоровья».

Показательно сравнить российский опыт с аналогичными попытками в соседних странах. В Казахстане было инициировано очень похожее дело против пастора церкви «Благодать» Бахтжана Кашкумбаева. Обвинения строились по той же схеме: причинение вреда здоровью через гипноз и даже использование напитков с галлюциногенами. Однако дело развалилось. Прокуратура была вынуждена отказаться от обвинений, в том числе потому, что в материалах дела отсутствовала качественная религиоведческая

экспертиза, а другие доказательства были явно сфальсифицированы. Это показывает, что именно российская «фабрика», благодаря выстроенной Дворкиным системе подготовки «карманных» экспертов и их тесной связке с силовиками, оказалась наиболее «успешной» и смогла поставить производство таких дел на поток.

Три дела, три цеха, три производственные линии. На первый взгляд, они разные. В одном случае под удар попал древний священный текст, в другом — целая религиозная конфессия, в третьем — сама практика молитвы. Обвинения тоже разные: «экстремизм» в двух его ипостасях и «причинение вреда здоровью». Но присмотревшись, мы видим, что все это — продукция одной и той же фабрики, изготовленная по единому чертежу. Механизм, лежащий в их основе, идентичен — будь то книга, организация или ритуал, — через горнило псевдонаучной экспертизы ему искусственно приписываются признаки преступления, и на основании этого сфабрикованного «доказательства» суд выносит запрограммированный обвинительный приговор.

Давайте еще раз сравним эти три производственные линии, чтобы увидеть их общую ДНК. В деле «Бхагавад-гиты» целью был текст, основным обвинением — экстремизм через разжигание розни, а технологией — примитивная лингвистическая и религиоведческая экспертиза, которая рассыпалась при первом же столкновении с реальностью. Это был пилотный проект, показавший как потенциал, так и детские болезни технологии.

В деле Свидетелей Иеговы целью была уже вся организация, обвинением — снова экстремизм, но в более изощренной форме — через криминализацию базовых догматов веры, таких как убежденность в своей правоте. Технология здесь была усовершенствована: на смену кустарным экспертизам пришли массово штампуемые «социокультурные» заключения, непробиваемые для критики в российских судах. Это был переход к серийному производству.

Наконец, в деле «Церкви Благодать» целью стала сама религиозная практика, обвинением — причинение тяжкого вреда здоровью, а технологией — судебная психолого-психиатрическая экспертиза, патологизирующая и криминализирующая любой сильный духовный опыт. Это была диверсификация производства, освоение

новых рынков.

Во всех трех случаях ключевую идеологическую роль играла система, выстроенная Александром Дворкиным: либо через прямую публичную поддержку процесса, как с «Гитой», либо через создание и легитимизацию сети «экспертов», как со Свидетелями Иеговы, либо через многолетнее формирование идеологической базы «сектоведения», на которую опирались эксперты-психиатры.

Главный ущерб от деятельности этой фабрики — это не только тысячи сломанных судеб, не только тюремные сроки для невиновных и разгром мирных общин. Самый страшный, системный ущерб наносится самим основам государства — праву и науке. Когда экспертиза перестает быть инструментом познания и превращается в служанку обвинения, она убивает науку, превращая ее в проститутку. Когда суд перестает быть площадкой для состязания сторон и начинает слепо штамповать решения на основе сфабрикованных «доказательств», он убивает правосудие. Суд превращается из арбитра в нотариуса, лишь заверяющего приговор, написанный в другом месте — в кабинете следователя или на столе у «эксперта». Исчезает сам принцип состязательности процесса, на котором держится любое демократическое правосудие.

И самое опасное заключается в том, что технология, отработанная и отточенная на беззащитных религиозных меньшинствах, абсолютно универсальна. Конвейер, созданный для производства дел против «сектантов», с легкостью может быть перенастроен на любого другого врага. Сегодня «эксперты» находят «разжигание розни» в комментариях к «Бхагавад-гите». Завтра они с той же легкостью найдут его в романе писателя, критикующего власть. Сегодня они объявляют «наносящей вред здоровью» молитву пятидесятников. Завтра они объявят «вредным» спектакль авангардного режиссера или лекцию независимого историка. Фабрика судебных дел, построенная под предлогом борьбы с «сектами», — это готовый, смазанный и отлаженный механизм для подавления любого инакомыслия в стране. Это угроза не для кришнаитов или Свидетелей Иеговы. Это угроза для всего российского общества. И эта угроза уже начала реализовываться в полной мере.

Глава 3. Призраки Веймара. Немецкий след антикультизма

«Самые страшные злодеяния в истории совершались не садистами и не чудовищами, а обычными людьми, которые следовали приказам и были уверены в своей правоте. Они просто выполняли свою работу». — Ханна Арендт, «Банальность зла»

Воздух Берлина двадцатых годов был наэлектризован. Он пах угольным дымом, дешевыми духами и свободой, от которой кружилась голова. После удушающей дисциплины рухнувшей империи Веймарская республика стала плавильным котлом, в котором кипело все — от марксистских теорий до авангардного искусства, от политических убийств до кабаре. Но нигде этот взрыв не был таким оглушительным, как в духовной сфере. На углах улиц проповедники предрекали скорый конец света. В прокуренных салонах дамы из высшего общества вызывали духов под руководством медиумов-самоучек. Газетные киоски ломились от брошюр, обещавших раскрыть тайны теософии, антропософии, спиритизма и древних арийских культов. Рудольф Штайнер, основатель антропософии, собирал полные залы, его идеи о духовной науке пленяли умы интеллектуалов, разочаровавшихся в традиционной религии. Методисты, баптисты, пятидесятники — те, кого имперская церковь веками держала на обочине, — открывали свои молитвенные дома, привлекая тысячи последователей. Это был карнавал идей, хаотичный и пьянящий.

Но для одного института этот карнавал выглядел как агония. Евангелическая церковь Германии, веками бывшая опорой трона и нравственным компасом нации, с ужасом наблюдала за происходящим. Союз «трона и алтаря» распался вместе с империей, и церковь, лишенная государственной поддержки, оказалась в вакууме. Ее паства таяла. Люди, травмированные войной и униженные Версальским миром, искали утешения не в привычных псалмах, а в экзотических учениях, обещавших немедленное просветление, личный контакт с божественным или, на худой конец, простое и понятное объяснение всеобщего хаоса. Церковные иерархи видели, как их монополия на души немцев

испаряется на глазах. Они видели в этом не просто конкуренцию, а экзистенциальную угрозу самому «народному телу» Volkskörper, которое, по их мнению, разъедала духовная зараза. Страх рождал потребность в защите. Если вера больше не защищена государством, значит, она должна научиться защищаться сама.

Именно из этого страха, из ощущения осажденной крепости, в 1921 году в Берлине родилась структура, чье название звучало академично и безобидно — «Апологетический центр» (Apologetische Zentralstelle). Созданный по инициативе Центрального комитета Внутренней миссии Евангелической церкви, он не был ни полицейским участком, ни карательным органом. Его оружием должно было стать слово. Официальные цели выглядели благородно: «наблюдение за деятельностью религиозных движений», «информирование общественности», «интеллектуальное противодействие» и «защита христианской веры». На практике это означало создание «интеллектуального спецназа». Сотрудники центра, теологи и пасторы, с немецкой педантичностью принялись за работу. Они посещали собрания «конкурентов», собирали их литературу, анализировали доктрины и составляли подробные досье. Результаты публиковались в специализированном журнале с говорящим названием «Wort und Tat» — «Слово и Дело». Они читали лекции для пасторов, вооружая их аргументами против «духовных соблазнов». На этом этапе это была битва идей. Никто еще не мог предположить, что собранные в тиши кабинетов досье однажды станут расстрельными списками, а апологетические аргументы — обоснованием для отправки людей в концентрационные лагеря. Инструменты, созданные в условиях демократии для интеллектуальной борьбы, ждали своего часа, чтобы стать оружием в руках тоталитарного государства. Этот час был уже близок. Веймарская республика, сама того не ведая, вынашивала своих собственных призраков.

В 1932 году, за год до прихода Гитлера к власти, «Апологетический центр» возглавил человек, которому было суждено стать архитектором новой, куда более зловещей технологии борьбы с инакомыслием. Его звали Вальтер Кюннет. Это был не грубый штурмовик в коричневой рубахе и не циничный партийный функционер.

Кюннет был блестящим теологом, приват-доцентом Берлинского университета, автором фундаментальных трудов по богословию. Его фигура была соткана из шокирующих противоречий, которые и делали его столь эффективным и столь опасным. С одной стороны, он был членом антинацистской Исповедующей церкви (Bekennende Kirche), которая мужественно сопротивлялась попыткам режима подчинить себе протестантизм. Он написал разгромную критику на главный идеологический труд нацизма — «Миф XX века» Альфреда Розенберга, обвинив того в неоязычестве и отходе от христианских корней. Казалось бы, перед нами герой сопротивления.

Но была и другая сторона. Вальтер Кюннет был убежденным, яростным антисемитом. В 1933 году, уже после прихода нацистов к власти, он выступил с докладом «Церковь и еврейский вопрос», где открыто назвал иудаизм «инородным телом в организме Германии» и призвал государство к его искоренению. Он не видел противоречия между своей христианской верой и поддержкой государственной сегрегации. Более того, он находил для этого богословское оправдание, утверждая, что «тлетворность мирового еврейства» — это божья кара за распятие Христа. Эта двойственность — риторика защиты веры и практика человеконенавистничества, принадлежность к оппозиционной церкви и готовность сотрудничать с репрессивным аппаратом — стала его визитной карточкой. Он был идеальным прототипом современного антикультиста: интеллектуал, облеченный академическим статусом, который, прикрываясь благородными целями, заключает сделку с дьяволом.

Возглавив «Апологетический центр», Кюннет с энергией и методичностью принялся за трансформацию его деятельности. Богословская апологетика быстро превращалась в технологию преследования. Первым делом он отточил язык. Слово стало оружием. Понятие «секта» (Sekte) из нейтрального религиоведческого термина превратилось в клеймо, в синоним угрозы. Он ввел в оборот концепцию защиты «народного тела» (Volkskörper) от «духовной заразы», переводя теологические споры в плоскость национальной безопасности. Язык вражды, замаскированный под заботу о здоровье нации, стал его главным инструментом.

Затем он перешел от слов к делу, выстроив четкую, четырехступенчатую технологию, которая десятилетия спустя будет с пугающей точностью воспроизведена в России. Первым шагом был сбор данных. Центр превратился в настоящую разведывательную службу, систематически собирая досье на все «нетрадиционные» группы, будь то религиозные меньшинства, философские кружки или даже коммерческие организации, заподозренные в «сектантстве». Антропософы, дарвинисты, спиритуалисты, оккультисты, и, конечно, евреи — все попадали в его картотеку.

Вторым шагом была классификация. На основе собранных данных Кюннет составлял «черные списки» и классификаторы «опасности». Он делил группы на категории, присваивал им уровни угрозы, создавая иллюзию научного подхода. Эта деятельность была сродни работе энтомолога, который с холодным любопытством препарирует и каталогизирует насекомых, готовя их для коллекции.

Третьим шагом была публичная демонизация. Используя ресурсы центра и свой авторитет теолога, Кюннет развернул масштабную пропагандистскую кампанию. Статьи, брошюры, лекции — все работало на создание образа врага. «Сектанты» изображались как обманщики, мошенники, агенты иностранных разведок, разрушители семей и угроза психическому здоровью нации. Они лишались человеческих черт, превращаясь в абстрактную угрозу, с которой можно и нужно бороться самыми решительными методами.

И, наконец, четвертый, решающий шаг — доносительство. Собранная информация, обработанная и упакованная в виде «экспертных заключений», ложилась на столы тех, кто обладал реальной властью. Кюннет не просто информировал общественность, он информировал карательные органы. Он превратил «Апологетический центр» в филиал тайной полиции, а себя — из теолога в политического информатора. Он нашел идеального партнера для реализации своих идей, партнера, который не был стеснен моральными ограничениями и обладал неограниченными возможностями для применения силы. Этим партнером стало Гестапо.

1933 год стал переломным. Приход нацистов к власти открыл перед Вальтером Кюннетом и его «Апологетическим центром»

головокружительные перспективы. То, что раньше было лишь предметом церковных споров и публицистических баталий, теперь могло стать государственной политикой. Кюннет немедленно почувствовал ветер перемен и поспешил предложить свои услуги новой власти. Сохранились документы, свидетельствующие о его контактах с Рейхсминистерством внутренних дел и, что самое важное, с недавно созданной Тайной государственной полицией — Гестапо.

16 декабря 1933 года в служебной записке руководству Рейхскирхе Кюннет с нескрываемым удовлетворением докладывал: «Гестапо проявило большой интерес к архиву сект „Апологетического центра“ и к нашей работе против свободомыслия, марксизма и большевизма. Обмен материалами уже начался». Сделка была заключена. Кюннет обещал Гестапо, что его центр поможет выявить и найти тех, кто действует в ущерб нации и её интересам, а также тех, кто, по их мнению, портит немецкую нацию. Эта идея, изначально принятая властями под благими намерениями, со временем трансформировалась: «Апологетический центр» со своей идеологией постепенно превратил порядочных, интеллигентных и умных немцев в сторонников нацистской идеологии. Кюннет и его центр предоставили готовые «черные списки» врагов, подробные досье и, главное, «богословское» оправдание для преследований. Они дали Гестапо язык и логику, позволившую представить полицейский произвол как защиту национальных и духовных ценностей. «Апологетический центр», в свою очередь, получил в лице Гестапо могущественного покровителя и исполнителя. Теперь для борьбы с религиозными «конкурентами» можно было использовать не только силу убеждения, но и силу государственного принуждения. Кюннет получил возможность уничтожать своих идеологических противников руками тайной полиции. Его центр фактически стал разведывательным и аналитическим подразделением Гестапо по религиозным вопросам. Синергия этого союза была ужасающей. Церковная апологетика, изначально призванная защищать веру, превратилась в инструмент политического сыска и репрессий.

Кульминацией этого процесса, точкой невозврата, стал приказ, который превратил теоретические наработки Кюннета в беспощадную

государственную практику. 28 октября 1937 года шеф Гестапо Рейнхард Гейдрих, один из главных архитекторов Холокоста, издал директиву, ставшую смертным приговором для тысяч людей. Ее название было сухим и бюрократическим, как и подобает документу машины смерти: «Bekämpfung der Sektenbewegung» — «Борьба с сектантским движением».

Этот документ был не просто полицейским циркуляром. Это была квинтэссенция всей идеологии Кюннета, переведенная на язык приказов и параграфов. Формулировки директивы с пугающей точностью повторяли лексику «Апологетического центра». Религиозные меньшинства в ней определялись как «подрывные элементы», несущие «угрозу единству нации» и «народному здоровью». Директива Гейдриха о «борьбе с сектами» давала Гестапо карт-бланш на применение любых мер для подавления «сектантской деятельности». Она предписывала агентам по всей Германии: систематически выявлять и ставить на учет всех членов «сект»; запрещать их деятельность и конфисковывать имущество; проводить обыски и аресты; использовать всю полноту полицейской власти для полного искоренения этих групп.

С принятием этого приказа «борьба с сектами» окончательно перестала быть делом церкви. Она стала частью государственной машины террора, встав в один ряд с борьбой против коммунистов, евреев и всех «врагов Рейха». Первыми под удар попали Свидетели Иеговы, чья пацифистская позиция и отказ присягать фюреру делали их идеальной мишенью. Тысячи из них были брошены в тюрьмы и концентрационные лагеря. За ними последовали антропософы, чьи школы и общества были разгромлены, а лидеры арестованы. Затем пришел черед и других групп из «черных списков» Кюннета. Досье, собранные в тиши кабинетов «Апологетического центра», превратились в ордера на арест. Интеллектуальные споры Веймарской эпохи закончились стуком сапог гестаповцев в дверь. Призрак обрел плоть. Вальтер Кюннет, к слову, сам позже подвергся гонениям со стороны нацистов, когда его взгляды разошлись с генеральной линией партии. Это классическая история о революции, пожирающей своих детей. Но созданный им механизм — технология выявления, демонизации и уничтожения «внутреннего врага» — был с благодарностью принят и

использован нацистским режимом.

Когда дым над руинами Третьего рейха рассеялся, казалось, что идеология, породившая его, навсегда погребена под обломками. Виновники были осуждены на Нюрнбергском процессе, а мир дал клятву «никогда больше». Но идеи, в отличие от людей, не так-то просто уничтожить. Они подобны вирусам, способным десятилетиями дремать в латентном состоянии, ожидая подходящего носителя и благоприятной среды. Технология ненависти, разработанная Вальтером Кюннетом и отточенная Гестапо, не исчезла. Она лишь затаилась, чтобы возродиться в другом месте и в другое время.

Цепь преемственности оказалась неразрывной и пугающе прямой. После войны некоторые идеи Кюннета, очищенные от наиболее одиозных нацистских коннотаций, были подхвачены новым поколением европейских «борцов с культами». Одним из ключевых звеньев в этой цепи стал датский лютеранский пастор Йоханнес Огор. В 1970-х годах, на волне паники вокруг новых религиозных движений, хлынувших на Запад, он создал свою собственную антикультовую организацию, которая позже легла в основу «Европейской федерации центров по исследованию и информированию о сектантстве» (FECRIS). Методы Огора поразительно напоминали методы Кюннета: сбор досье, публичная демонизация, лоббирование репрессивных законов и тесное сотрудничество с государственными структурами.

Именно в этой среде, в кругах западных антикультистов, в конце 1980-х — начале 1990-х годов проходил свою «стажировку» Александр Дворкин. Он впитал эту методологию, изучил ее инструментарий и, вернувшись в Россию после распада СССР, нашел для нее идеальную почву. Россия 90-х, как и Веймарская Германия 20-х, переживала период хаоса, идеологического вакуума и духовного брожения. И Русская Православная Церковь, подобно Евангелической церкви Германии семьюдесятью годами ранее, ощущала себя осажденной крепостью, теряющей паству под натиском заморских проповедников и доморощенных гуру.

Дворкин предложил РПЦ готовое решение — импортированную и адаптированную технологию Кюннета. Так родился «Информационно-консультационный центр священномученика Иринея Лионского», а

затем и целая сеть аффилированных структур под эгидой РАЦИРС. Параллели были не просто очевидны — они были абсолютны.

«Апологетический центр» Кюннета нашел свое кривое отражение в «Центре Иринея Лионского» Дворкина. Роль главного идеолога-практика, теолога, вооружающего государство «экспертным» знанием, перешла от Вальтера Кюннета к историку-медиевисту Александру Дворкину. Оружие осталось прежним: слово, превращенное в клеймо. Немецкое «Sekte» было дословно переведено на русский как «секта», а для усиления эффекта дополнено эпитетами «тоталитарная» и «деструктивная». Угроза «народному телу» трансформировалась в угрозу «духовной безопасности нации».

Методы были скопированы с немецкой точностью: составление «черных списков», публичная дискредитация через подконтрольные СМИ, и — главное ноу-хау Дворкина — псевдонаучные «религиоведческие экспертизы», которые становились основанием для судебных исков и уголовных дел. Роль государственного исполнителя, которую в Германии играло Гестапо, в России взяли на себя Центры по противодействию экстремизму (Центры «Э») МВД, ФСБ, Прокуратура и Министерство юстиции. А место директивы Гейдриха «Bekämpfung der Sektenbewegung» (Борьба с сектантским движением) заняло расширительное и произвольное толкование российского Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», под который, при желании «эксперта», можно было подвести любую религиозную доктрину, отличающуюся от «традиционной».

Призраки Веймара, изгнанные из Европы, нашли себе новый дом. Антикультова технология, однажды послужившая нацистскому режиму для обоснования массовых репрессий, была успешно реанимирована, получила финансовую и административную поддержку от государства и вновь встала на службу авторитарной власти. И как и в Германии 30-х, начав с борьбы против «чуждых сект», она неизбежно привела к созданию образа внешнего врага и идеологическому обоснованию «священной войны». История доказала свою пугающую способность повторяться, а методы, рожденные в одном тоталитарном проекте, оказались пугающе универсальными и востребованными в другом. Немецкий след оказался не просто историческим курьезом, а

прямой дорогой, ведущей в сегодняшний день.

Глава 4. От Третьего Рима к Четвертому рейху

В конце марта 2024 года, в Москве, в зале церковных соборов Храма Христа Спасителя, под председательством Патриарха Кирилла завершился XXV Всемирный русский народный собор. Его итоговый документ, скромно названный «Наказ», был опубликован на официальном сайте Московского Патриархата. Среди сухих бюрократических формулировок о демографии и образовании прятался абзац, от которого веяло холодом Средневековья. «С духовно-нравственной точки зрения, — гласил документ, — специальная военная операция является Священной войной, в которой Россия и ее народ, защищая единое духовное пространство Святой Руси, исполняют миссию "Удерживающего", защищающего мир от натиска глобализма и победы впавшего в сатанизм Запада». Священная война. В XXI веке, в ядерную эпоху. Слова, которые, казалось, навсегда остались в пыльных хрониках Крестовых походов, вдруг стали официальной доктриной крупнейшей религиозной организации страны, неразрывно сросшейся с государством. Откуда взялся этот язык? Он не из учебников по политологии, не из трудов современных стратегов. Этот язык не был изобретен в коридорах Администрации Президента или в аналитических центрах спецслужб. Он был извлечен из глубокого, темного склепа истории, где он дремал веками. Он был тщательно очищен от пыли, реанимирован, заряжен новой, чудовищной энергией и предложен власти в качестве универсального оправдания для всего — для войны, для репрессий, для тотальной изоляции.

Чтобы понять, как молитва о спасении души превратилась в призыв к уничтожению «сатанистов», мы должны начать с самой сердцевины русской государственной мифологии, с идеи, которая на протяжении пяти веков определяла и возвышала, и губила Россию. Это идея «Москвы — Третьего Рима». Когда в 1453 году под ударами турок пал Константинополь, Второй Рим, православный мир осиротел. Он лишился своего центра, своего стержня. И именно в этот момент молодое, набирающее силу Московское княжество, только что

сбросившее татаро-монгольское иго, начинает примерять на себя одежды имперского наследника. Брак великого князя Ивана III с племянницей последнего византийского императора Софьей Палеолог был не просто династическим союзом. Это была заявка на преемственность. Византийский двуглавый орел перелетел на московские гербы. И вскоре нашлись люди, которые облекли это смутное предчувствие в чеканную формулу. В начале XVI века псковский монах Филофей в своих посланиях к великому князю Василию III произнес слова, ставшие генетическим кодом русской государственности: «Два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать». Для Филофея и его современников это была не программа геополитической экспансии. Это была эсхатологическая доктрина, идея об огромной, почти невыносимой ответственности. Весь христианский мир пал в ересь или был завоеван иноверцами. Первый Рим отпал от истинной веры из-за католической «аполинариевой ереси».

Второй Рим, Константинополь, пал, наказанный Богом за предательство православия на Флорентийской унии, где византийцы пытались договориться с папой римским. И вот теперь Москва, Русь, осталась последним на земле царством, хранящим чистоту христианской веры. Она — последний оплот, Катехон, «Удерживающий» мир от пришествия Антихриста и конца времен. Ее миссия — не завоевать мир, а сохранить себя в чистоте до Второго пришествия. Если падет и Третий Рим, мир рухнет в бездну. Эта идея была оборонительной по своей сути, она призывала не к расширению, а к самосохранению, к строжайшей духовной дисциплине. Царь был ответственен не перед народом, а перед Богом за сохранение этого последнего ковчега спасения.

Но идеи, однажды рожденные, начинают жить своей жизнью, часто меняясь до неузнаваемости. На протяжении веков концепция Третьего Рима мутировала. Уже в XVII веке, во времена первых Романовых, она использовалась как идеологическое обоснование борьбы с католической Речью Посполитой за украинские земли — это была уже не просто защита веры, а ее возвращение на «исконные» территории. Но настоящее, второе рождение и роковую трансформацию миф пережил в XIX веке, в трудах славянофилов. В их руках эсхатологическая идея ответственности превратилась в идею национального превосходства и

особой исторической миссии. Россия — не просто хранительница древнего благочестия. Она — носительница новой, высшей правды, которую она должна явить миру, увязшему в западном материализме и безверии. «Третий Рим» стал синонимом «Русской идеи» — представления об уникальном, самобытном пути России, который противопоставлялся пути западной цивилизации. Эта идея, рожденная в монастырской келье как молитва о спасении, на имперской почве превратилась в доктрину, оправдывающую мессианскую экспансию. Именно в этом, искаженном виде она и была извлечена из исторических архивов идеологами XXI века. Концепция Третьего Рима заложила в основание российской государственности взрывоопасную смесь из чувства избранности и осажденной крепости. А если государство избрано для великой миссии, то и народ, населяющий его, не может быть обычным народом. Он должен быть достоин своей миссии. Он должен быть народом-богоносцем.

Термин «русская идея», введенный Федором Достоевским, стал попыткой определить этот уникальный код, эту таинственную миссию России в мировой истории. Для мыслителей XIX века, от Владимира Соловьева до Николая Бердяева, это был не лозунг, а мучительный вопрос: в чем смысл существования России? Зачем она нужна миру? И ответ, который они находили, был не в политике и не в экономике, а в духовной сфере. Русская идея — это идея всечеловеческого братства, достигнутого не через закон и не через выгоду, а через любовь и жертву, основанные на православном понимании христианства. Это идея о том, что Россия призвана не властвовать над миром, а служить ему, явив пример духовного преображения. Это русское мессианство — глубокая, иррациональная вера в то, что именно русскому народу суждено сказать некое «новое слово» человечеству, разрешить его вековые противоречия и указать путь к спасению. В этой своей первоначальной, философской форме русское мессианство было идеей не национального высокомерия, а, напротив, вселенской отзывчивости и всечеловечности. Достоевский писал, что стать настоящим русским — значит стать «братом всех людей, всечеловеком». Это была миссия не завоевания, а жертвенного служения.

Но у этой светлой, универсалистской идеи была и своя темная,

националистическая сторона, которая нашла воплощение в концепции «народа-богоносца». Этот эпитет, также связанный с творчеством Достоевского и славянофилов, предполагал, что русский народ обладает некой врожденной, почти мистической святостью, особой духовной чистотой, которая и делает его способным выполнить свою великую миссию. Если в философском мессианстве речь шла о призвании, которое нужно было еще заслужить и реализовать, то в народнической, популистской трактовке богоносность становилась как бы данностью, неотъемлемым свойством русского человека. Народ превращался из субъекта истории в объект поклонения, в «сакральный организм», в котором заключена вся правда и вся святость. Любой, кто идет против народа, кто критикует его, автоматически становится врагом истины, отступником. Этот миф создавал почву для опаснейшего самообмана, для того, что в православной аскетике называется «прелестью» — духовным самообольщением, гордыней, замаскированной под смирение. Он позволял оправдать любые недостатки и пороки народа его «глубинной святостью», а любую критику извне списать на зависть и непонимание этой тайны. Идеология «народа-богоносца», соединившись с концепцией «Третьего Рима», создавала мощнейшую идеологическую конструкцию: богоизбранное государство, населенное богоизбранным народом. Но для того, чтобы эта конструкция обрела законченность и превратилась в действенную политическую силу, ей не хватало одного, последнего элемента — образа абсолютного врага, антипода, на фоне которого эта избранность сияла бы еще ярче. И такой враг был найден. Им стал «прогнивший Запад».

Идеология славянофильства, возникшая в 1830-40-х годах как реакция на вестернизаторские реформы Петра I и идейный вызов Чаадаева, была построена на фундаментальном противопоставлении России и Запада. Это не была просто политическая или экономическая конкуренция. Это было цивилизационное, метафизическое противостояние двух миров, двух принципов бытия. Алексей Хомяков, братья Киреевские, Константин Аксаков и другие славянофилы утверждали, что исторический путь России и Европы принципиально различен. В основе западной цивилизации, по их мнению, лежит римское наследие: формальное право, рационализм, индивидуализм и

католицизм, который они считали искажением истинного христианства, построенным на гордыне папской власти. Все это, по их мнению, привело Запад к бездуховности, атомизации общества, революциям и, в конечном счете, к моральному разложению — к той самой «гнили». В противовес этому Россия, унаследовавшая свою веру от Византии, построена на совершенно иных началах: на православии, соборности (свободном единстве в любви), общинности и духовной цельности. Если Запад — это царство рассудка и эгоизма, то Россия — это царство веры и сердца. Это была мощная и соблазнительная дихотомия, которая позволяла превратить все недостатки России (отсталость, бедность, деспотизм) в ее достоинства (духовность, нестяжательство, народное единство). Эта оппозиция «Мы/Они» стала краеугольным камнем российского национального самосознания, легко усваиваемым и воспроизводимым на всех уровнях, от философских салонов до крестьянских изб. Этот код противостояния Западу, однажды записанный в культурную матрицу, оказался чрезвычайно живучим. Он затихал в периоды сближения, но мгновенно активировался в моменты кризисов и конфликтов, предлагая простую и понятную картину мира: мы — осажденная крепость духа, а вокруг — враждебный, безнравственный и алчный мир, желающий нас уничтожить. Именно этот код и был выбран в качестве операционной системы для новой российской идеологии в XXI веке.

И вот теперь, раскопав эти три фундаментальных слоя — миф об исключительном государстве («Третий Рим»), миф об избранном народе («Народ-богоносец») и миф об экзистенциальном враге («Гнилой Запад»), — мы можем вернуться в наше время и увидеть, как этот древний, веками дремавший идеологический арсенал был реанимирован, вульгаризирован и превращен в оружие массового поражения. Процесс этой реанимации был не стихийным, а целенаправленным, и ключевую роль в нем сыграли те самые люди, которых мы подробно рассматривали в предыдущих главах, — «антикультисты» во главе с Александром Дворкиным. Именно они выступили в роли «черных политтехнологов», которые взяли сложные и противоречивые философские концепции и перековали их в примитивные, но чрезвычайно эффективные пропагандистские лозунги. Они стали теми дрожжами, на которых

взошло тесто новой тоталитарной идеологии.

Технологический прорыв Дворкина и его команды заключался в том, что они первыми сумели соединить абстрактные рассуждения о «судьбах России» с конкретной, осязаемой угрозой. Они перевели метафизическое противостояние цивилизаций на язык полицейских протоколов. В их интерпретации «гнилой Запад» перестал быть философской категорией. Он обрел плоть и кровь, явившись в Россию в виде сотен «тоталитарных сект» — западных миссионеров, восточных гуру, психотерапевтических групп, — которые, как утверждали антикультисты, были не чем иным, как передовым отрядом вражеских спецслужб, инструментами гибридной войны, ведущейся против России. Борьба с «сектами» из внутрицерковного дела превратилась в задачу государственной важности, в элемент защиты национального суверенитета. Миф о «Народе-богоносце» трансформировался в идею о необходимости защиты «духовного генофонда» нации от «ментальных вирусов», распространяемых этими «сектами». А концепция «Третьего Рима» превратилась в доктрину «духовной безопасности», согласно которой государство обязано силой защищать свое идеологическое пространство от любого чужеродного влияния. Дворкин дал власти то, чего ей так не хватало, — удобного, беззащитного и легко демонизируемого внутреннего врага, борьба с которым позволяла имитировать защиту национальных интересов и одновременно зачищать общественное пространство от любого инакомыслия.

Кампании против религиозных меньшинств, развернувшиеся в России с конца 1990-х и достигшие своего апогея в 2010-х, были не просто серией репрессивных актов. Это был гигантский идеологический полигон, на котором отрабатывался и оттачивался язык новой холодной, а затем и горячей, войны. Давайте посмотрим на самые громкие дела того периода уже не с юридической, а с идеологической точки зрения. Судебный процесс над «Бхагавад-гитой», был не просто попыткой запретить книгу. Это была первая в новейшей истории России попытка на государственном уровне объявить священный текст великой мировой культуры «чуждым» и «враждебным» русскому духовному коду, чуждым «народу-богоносцу». Тотальный запрет Свидетелей Иеговы в 2017 году был не просто ликвидацией юридического лица. Это была

образцово-показательная расправа над организацией, которая своим пацифизмом, отказом от службы в армии и глобальной, наднациональной структурой бросала идеологический вызов милитаризованной, замкнутой на себе модели «Третьего Рима». Атаки на харизматические и пятидесятнические церкви были не просто борьбой с «конкурентами» РПЦ. Это была война против альтернативной модели христианства — эмоциональной, динамичной, ориентированной на личный духовный опыт, а не на государственный ритуал. На этих беззащитных группах антикультисты, как на кошках, отработали всю технологию демонизации: объявление оппонентов «агентами Запада», фабрикацию «экспертиз», доказывающих их «деструктивность», и, наконец, их уничтожение руками государственных органов под аплодисменты обработанного пропагандой большинства. Они создали и легитимизировали язык ненависти, который позже, когда пришло время, был с легкостью перенесен с «сект» на целые народы и государства.

Именно этот синтез воскрешенного имперского мессианства («мы избраны для великой миссии спасения мира») и антикультистской паранойи («весь мир заражен сатанизмом и хочет нас уничтожить») породил ту идеологию исключительности и морального превосходства, которая сегодня стала в России официальной. Россия не просто отстаивает свои национальные интересы, как любая другая страна. Она ведет метафизическую борьбу Добра со Злом. Она — тот самый «Катехон», «Удерживающий», последний бастион человечности, традиционных ценностей и подлинной веры в мире, погрязшем в содомии, глобализме и безбожии. Любой, кто против нее, — автоматически на стороне Зла. А с абсолютным Злом нельзя договариваться, его можно только уничтожить. Эта логика, простая и страшная, как удар топора, снимает любые моральные ограничения. Она оправдывает любую агрессию, любое насилие, любое беззаконие, ибо все это совершается во имя высшей, священной цели.

Кульминацией, идеологическим манифестом этого нового мировоззрения стал тот самый «Наказ» XXV Всемирного русского народного собора. Давайте еще раз вчитаемся в его строки, но уже вооруженные знанием об их историческом происхождении. Когда «Наказ» говорит о «новом этапе национально-освободительной борьбы

русского народа», это — прямой отголосок имперского реваншизма, идеи о «собирании утраченных земель». Когда он провозглашает миссию по защите «единого духовного пространства Святой Руси», это — воскрешенная в полный рост концепция «Третьего Рима» с ее претензией на духовное лидерство во всем православном мире. Когда он называет Россию «Удерживающим», это — чистое русское мессианство в его самой агрессивной, геополитической трактовке. А когда он объявляет врагом «впавший в сатанизм Запад», это язык, напрямую заимствованный из лексикона Александра Дворкина и его соратников. Это их маргинальная риторика, десятилетиями высмеиваемая учеными и правозащитниками, вдруг стала официальной доктриной. И как логичное следствие всего этого — требование, чтобы «вся территория современной Украины вошла в зону исключительного влияния России». Это уже не политика. Это теология, ставшая программой военных действий.

Именно эта тотальная, всеобъемлющая идеологическая конструкция, основанная на мифе об избранности, на демонизации врага и на оправдании агрессии «высшей миссией», заставляет многих критиков и историков по всему миру проводить самые мрачные параллели с тоталитарными режимами XX века. Они смотрят на происходящее в России и видят тревожные структурные сходства с тем, что происходило в Германии в 1930-е годы. И для описания этого нового феномена они используют страшный, обжигающий термин — «Четвертый рейх». Важно понимать: это не прямое отождествление, не знак равенства. Это критическая аналогия, попытка осмыслить происходящее через призму исторического опыта. И основания для такой аналогии, к сожалению, есть. Давайте сравним. В основе идеологии нацизма лежала идея расового превосходства арийцев и миф о «Третьем рейхе», тысячелетней империи. В основе новой российской идеологии — идея духовного превосходства «русского мира» и реанимированный миф о «Третьем Риме». Нацистская Германия видела свою миссию в завоевании «жизненного пространства» (Lebensraum) и установлении «нового порядка» в Европе. Современная Россия видит свою миссию в защите «русского мира» и борьбе с «глобальным злом» в лице Запада. Нацисты создали образ абсолютного внутреннего врага в

лице евреев и внешнего — в лице «мирового плутократического заговора». Новая российская идеология создала образ внутреннего врага в лице «иноагентов» и «сектантов» и внешнего — в лице «коллективного Запада, впавшего в сатанизм». Нацисты оправдывали свою агрессию против Чехословакии и Польши необходимостью «защиты» немецких меньшинств.

Современная Россия оправдывает свою агрессию необходимостью «защиты» русскоязычного населения и «денацификацией». Нацистская пропаганда дегуманизировала своих врагов, называя их «паразитами» и «недочеловеками». Российская пропаганда дегуманизирует своих оппонентов, называя их «нацистами» и «сатанистами». И, наконец, в обоих случаях мы видим создание герметичного информационного пространства, монополию на правду и тотальное подавление любого инакомыслия.

Как мы видели в четвертой главе, технология преследования «сект», использованная нацистами, была разработана теологом Вальтером Кюннетом под лозунгом защиты «народного тела» (Volkskörper) от «духовной заразы». Александр Дворкин, скопировав эту технологию, внедрил в России аналогичную идеологию защиты «духовной безопасности» от «деструктивных культов». А государство, в свою очередь, масштабировало эту идеологию, объявив «духовной заразой» уже не отдельные религиозные группы, а целые страны и цивилизации. Трагическая ирония истории заключается в том, что «антикультисты», якобы боровшиеся с «деструкцией», в итоге реанимировали и вооружили одну из самых деструктивных идеологических моделей в истории человечества. Путь от «Третьего Рима», понятого как последний оплот христианской веры, через мутное болото антикультистской паранойи и ненависти, закономерно привел к созданию доктрины, которую ее критики не могут назвать иначе, как идеологией «Четвертого рейха». Мечта о спасении мира обернулась кошмаром его разрушения. И главными проводниками на этом пути в ад, вымощенном благими намерениями, оказались те, кто громче всех кричал о борьбе со злом.

Глава 5. Подавление несогласных: хроники современной инквизиции

Парадокс, ставший символом эпохи, прозвучал в декабре 2018 года. Владимир Путин, отвечая на вопрос о преследованиях Свидетелей Иеговы, высказался с обезоруживающей прямотой. Он назвал происходящее «полной чушью», добавив, что «они тоже христиане, за что их преследовать, я тоже не очень понимаю». Президент пообещал «внимательно с этим разобраться». В зале, где каждое слово власти принято расшифровывать как директиву, это заявление прозвучало сигналом к возможной оттепели, слабой надеждой на то, что запущенный маховик репрессий может быть если не остановлен, то хотя бы замедлен. Казалось, здравый смысл, пусть и с запозданием, возобладал над идеологической паранойей. Однако реальность, развернувшаяся в последующие месяцы и годы, оказалась жестокой насмешкой над этими ожиданиями. Она продемонстрировала пугающую истину: созданная и отлаженная за предыдущее десятилетие машина подавления обрела собственную волю и больше не нуждалась в прямых приказах или публичных сигналах сверху. Она перешла в автономный режим, работая по своей собственной, неумолимой инерции.

Чтобы осознать всю глубину пропасти между словами и делами, достаточно перенестись из кремлевского зала в Новосибирск 2020 года и познакомиться с Юрием Савельевым. На момент приговора ему было шестьдесят шесть лет. Всю свою жизнь он был законопослушным гражданином, инженером, семьянином, а в последние годы — руководителем местной общины Свидетелей Иеговы. Его не обвиняли в насилии, мошенничестве или призывах к свержению власти. Его преступление, как оно было сформулировано в судебных документах, заключалось в «организации деятельности экстремистской организации». Эта формулировка, ставшая универсальным лекалом для тысяч подобных дел, означала лишь то, что он продолжал вместе с единоверцами читать Библию, петь религиозные гимны и обсуждать Священное Писание после того, как их организация была признана в России вне закона. За это «преступление» против основ

конституционного строя пожилого человека приговорили к шести годам колонии общего режима. Реальный срок, который ему предстояло провести за решеткой, вдали от семьи, в условиях, мало способствующих поддержанию здоровья в его возрасте. Дело Савельева не было случайностью или трагическим недоразумением. Оно стало нормой, одним из сотен звеньев в цепи репрессий, которая сжималась вокруг инакомыслящих все туже. Как могло случиться, что после прямого указания президента на абсурдность гонений, их интенсивность, согласно отчетам правозащитных организаций, таких как Human Rights Watch, не просто не снизилась, а удвоилась в течение следующего года? Как машина, получившая сигнал «стоп» от самого верховного главнокомандующего, смогла набрать еще большую скорость? Этот парадокс является центральным вопросом данной главы, и ответ на него лежит в анатомии самой репрессивной системы. В эпоху, наступившую после 2018 года, когда «тихий переворот» идеологов-антикультистов окончательно завершился, созданный ими механизм достиг такой мощи и институциональной инерции, что стал самодостаточным. Он превратился в автономного монстра, пожирающего тех, кого его создатели назначили еретиками, и действующего уже не по команде, а по заложенной в него программе.

Эскалация преследований Свидетелей Иеговы после декабря 2018 года стала шокирующим доказательством того, что репрессивная машина не просто не реагирует на политические сигналы, но и способна к саморазгону. Статистика последующих лет выглядит как сводка с театра военных действий. Если до заявления президента кампания гонений казалась интенсивной, то после нее она превратилась в настоящий шквал. В 2019 году, первом полном году после слов о «полной чуши», количество обысков в домах верующих, по данным правозащитников, выросло вдвое по сравнению с предыдущим периодом, достигнув отметки примерно в сто восемьдесят. Но это было лишь начало. В 2020 году прошло уже около двухсот пятидесяти рейдов. Пиковым стал 2021 год, когда силовики провели триста шестьдесят обысков в восьмидесяти городах по всей стране — от Калининграда до Владивостока. География репрессий охватила всю карту России, демонстрируя системный и скоординированный характер кампании.

Одновременно росло и число уголовных дел. В 2019 году было возбуждено около девяноста новых дел, в 2020-м — уже сто десять, а в 2021-м — сто сорок два. Параллельно ужесточались и приговоры. Если в 2019 году к реальным срокам лишения свободы были приговорены восемь человек, то в 2021-м эта цифра подскочила до тридцати четырех — абсолютный антирекорд за все время преследований. Максимальные сроки наказания также неуклонно росли: с шести лет в 2019-м до восьми лет к 2023 году. К концу 2023 года общая картина выглядела апокалиптически: фигурантами уголовных дел стали 789 человек, а суммарный срок, к которому их приговорили, достиг 257 лет тюремного заключения. Это были не просто цифры в отчетах. За ними стояли сломанные жизни, разлученные семьи, отнятое имущество и подорванное здоровье сотен людей, чья единственная вина заключалась в верности своим убеждениям.

Каждая единица в этой мрачной статистике — это человеческая трагедия, разворачивающаяся в залах судов и за стенами колоний. История Геннадия Шпаковского из Пскова стала одним из таких символов ужесточения. В 2020 году он получил шесть с половиной лет колонии — на тот момент самый суровый приговор, вынесенный Свидетелю Иеговы в России. Этот вердикт стал новым рубежом, сигналом для судей по всей стране, что можно и нужно выносить все более жестокие наказания. Система сама себе поднимала планку бесчеловечности. При этом рушился стереотип о некоем снисхождении к женщинам. Валентина Барановская, пожилая женщина, также получила реальный срок, а позже другие верующие женщины были приговорены к наказаниям, достигавшим восьми лет лишения свободы. Репрессивная машина не делала скидок на пол, возраст или состояние здоровья. Но вершиной жестокости, показавшей, что система не просто сажает, а готова применять самые отвратительные методы физического воздействия, стала история с пытками в Сургуте в феврале 2019 года. Тогда, после серии рейдов, как минимум семерых задержанных верующих подвергли жестоким истязаниям прямо в здании Следственного комитета. Их душили, раздевали догола, обливали водой и били электрошокером, требуя выдать информацию о единоверцах и признаться в «экстремистской деятельности». Эти события, подробно

задокументированные Human Rights Watch и другими правозащитными организациями, вызвали международный скандал. США ввели персональные санкции против двух высокопоставленных следователей, причастных к пыткам. Однако внутри России система защитила своих исполнителей, а уголовное дело по факту пыток было закрыто. Это стало самым ясным доказательством того, что машина не просто вышла из-под контроля, но и обеспечила себе полную безнаказанность, превратившись в государство в государстве, где не действуют ни законы, ни приказы, ни элементарные нормы человечности.

Почему же машина не остановилась? Почему слова президента, которые должны были стать командой, оказались пустым звуком, растворившимся в гуле работающих шестеренок репрессивного механизма? Даже опытные эксперты, десятилетиями наблюдавшие за религиозной политикой в России, разводили руками. Анатолий Пчелинцев, главный редактор журнала «Религия и право», в одном из интервью прямо признался, что у него «нет рациональных объяснений», почему гонения не только продолжились, но и усилились.

Успешная и тотальная зачистка организации Свидетелей Иеговы, продемонстрировавшая эффективность созданного правового и силового механизма, фактически развязала руки антикультовым архитекторам «тихого переворота». Она стала для них доказательством того, что технология работает, а общество и даже международные институты не способны оказать действенного сопротивления. Эйфория от победы над «главным врагом» подтолкнула сектоборцев к следующему логическому шагу: масштабированию репрессий и расширению списка мишеней. Теперь под каток мог попасть любой, кто хоть в малейшей степени не вписывался в узкие, прокрустовы рамки «традиционности», определенные государством и его идеологическими партнерами из Русской православной церкви. Период после 2018 года ознаменовался превращением выборочных ударов в ковровую бомбардировку идеологического поля. Если раньше дела против «нетрадиционных» религий были скорее отдельными, пусть и громкими, прецедентами, то теперь они были поставлены на конвейер. Запущенная фабрика дел заработала на полную мощность, используя отточенные на Свидетелях Иеговы лекала: донос от «бдительных граждан» или аффилированных с

РПЦ «сектоведов», лингвистическая или религиоведческая экспертиза от карманного «эксперта», обыски с участием спецназа и, наконец, судебный процесс с предрешенным исходом.

Одним из самых показательных примеров такого масштабирования стало дело «Саентологической церкви Санкт-Петербурга». Его эволюция в полной мере отражает логику работы репрессивной машины. Изначально, еще до 2018 года, саентологов пытались преследовать по экономическим статьям, обвиняя в «незаконном предпринимательстве» и уклонении от уплаты налогов. Это был стандартный заход, который, однако, не позволял полностью уничтожить организацию и заклеймить ее идеологию. Поэтому по мере того, как антиэкстремистское законодательство набирало силу, обвинения трансформировались. К экономическим статьям добавились сначала «возбуждение ненависти либо вражды», а затем и «организация экстремистского сообщества» и «отмывание денег». Дело тянулось годами, а его материалы обрастали зловещими деталями, напоминающими антиутопический роман. Так, в обвинительном заключении фигурировали упоминания о неких «передопросах с электровспоминателем» — жуткая аллюзия на пыточные практики, облеченная в псевдонаучный жаргон. Финал дела, однако, оказался показательным. Хотя лидеры общины и были признаны виновными, реальных сроков заключения удалось избежать: по одним обвинениям истекли сроки давности, по другим суд назначил крупные штрафы или зачел время, проведенное в СИЗО. Цель машины была достигнута и без отправки людей в лагеря на долгие годы. Главное — организация была разгромлена, ее деятельность парализована, активы, вероятно, заморожены, а последователи — запуганы и деморализованы. Этот кейс наглядно продемонстрировал, что тюремное заключение не всегда является самоцелью; часто достаточно просто уничтожить структуру и создать атмосферу тотального страха.

Под тот же каток попали и мусульманские общины, причем не только те, которые государство ассоциировало с радикальным исламизмом. Преследования последователей турецкого богослова Саида Нурси, чьи труды были признаны экстремистскими, продолжались с новой силой. Людей отправляли в тюрьму просто за чтение и

обсуждение книг, которые во всем мире считаются образцами умеренной и философской исламской мысли. Но репрессии затронули и обычные местные общины, далекие от какой-либо политики. В подмосковных Котельниках и в Алуште на территории аннексированного Крыма были ликвидированы местные мусульманские организации, что создало серьезные проблемы для верующих, лишившихся легальной возможности для совместных молитв и религиозной жизни.

Системный характер антикультовой зачистки коснулся и протестантских церквей. В 2024 году по иску Министерства юстиции была ликвидирована крупная централизованная организация — Христианский Евангельский Веслианский Собор. Одновременно по всей стране шли процессы по закрытию местных церквей: под удар попали общины евангельских христиан-баптистов в Россоши и Калужская евангелическо-лютеранская церковь. Причины могли быть формальными — нарушения в уставных документах или отчетности, — репрессивная машина Дворкина последовательно избавлялась от любых независимых религиозных структур. Не остались в стороне и другие, менее многочисленные группы. Продолжились преследования последователей духовной практики «Фалуньгун», которую власти Китая считают опасной сектой; обыски прошли в Москве, Иркутске и других городах. В Ростове-на-Дону была ликвидирована местная еврейская религиозная община. Каждый такой случай, взятый в отдельности, мог показаться частной историей, но вместе они складывались в единую картину тотальной зачистки религиозного поля от любых ростков плюрализма.

Пока конвейер «экстремистских» дел работал на полную мощность, перемалывая одну организацию за другой, юридические архитекторы, движимые антикультовой идеологией репрессий, не оставались без дела, активно выстраивая механизмы подавления. Они совершенствовали свой арсенал, создавая новые, еще более гибкие и универсальные инструменты для подавления инакомыслия. После 2018 года в полную силу заработали два мощнейших орудия, которые изначально создавались для борьбы с политическими оппонентами и неправительственными организациями, но были с легкостью

адаптированы для преследования религиозных групп: закон о «нежелательных организациях» и статус «иностранного агента». Закон о «нежелательных организациях», принятый в 2015 году, позволял Генеральной прокуратуре без решения суда объявлять любую иностранную или международную организацию «нежелательной» на территории России, если ее деятельность якобы представляет угрозу основам конституционного строя, обороноспособности или безопасности государства. Эта расплывчатая формулировка открывала безграничный простор для произвола. Участие в деятельности такой организации или сотрудничество с ней каралось сначала административными штрафами, а затем и уголовной ответственностью с реальными сроками заключения. Изначально этот инструмент применялся против зарубежных фондов и правозащитных групп, но к 2024 году он стал активно использоваться и в религиозной сфере. Так, в список «нежелательных» были внесены сразу двадцать две религиозные организации, включая канадские и американские евангельские объединения, такие как «Министерства Великое Поручение». Это означало полный запрет на любую их деятельность в России, включая распространение литературы, проведение семинаров и оказание гуманитарной помощи. Любой российский верующий, который продолжил бы поддерживать связь с этими организациями, автоматически попадал под угрозу уголовного преследования. Апофеозом абсурда стало признание в 2025 году по иску Минюста экстремистским и запрещенным несуществующего «Международного движения сатанизма». В отличие от дел против конкретных организаций, здесь был создан прецедент запрета целого мировоззрения, причем без какой-либо зарегистрированной структуры. Это решение, основанное на размытых и идеологизированных формулировках, создало юридическую базу для преследования в будущем любой группы или даже отдельного человека, чьи взгляды можно будет подвести под определение «сатанизма».

Другим мощным оружием стигматизации и давления стал статус «иностранного агента». Этот ярлык, несущий в себе шлейф советской шпионской истерии, изначально также предназначался для политических НПО, получающих зарубежное финансирование. Однако

со временем законодательство было ужесточено настолько, что «иноагентом» можно было объявить любого человека или организацию просто за распространение информации и нахождение под «иностранным влиянием», которое трактовалось максимально широко. В 2023 году этот инструмент впервые был применен к крупному религиозному деятелю. В реестр «иностранных агентов» был включен Тэло Тулку Ринпоче, почетный представитель Далай-ламы в России, шаджин-лама (верховный лама) Калмыкии. Формальным поводом послужило его американское гражданство и антивоенные высказывания. Это был знаковый удар. Система демонстрировала, что иммунитета нет ни у кого, даже у официальных лидеров одной из «традиционных» для России религий — буддизма.

Присвоение этого токсичного статуса не только накладывало на человека массу бюрократических обязательств, вроде маркировки всех своих публикаций и сдачи громоздких отчетов, но и, что важнее, служило «черной меткой», сигналом для общества и чиновников, что этот человек — «чужой», «враг», с которым лучше не иметь дел. Этот случай показал, что цель машины — не просто ликвидация «сект», но и установление полного контроля над лидерами всех конфессий, принуждение их к абсолютной лояльности государственному курсу. Таким образом, к середине 2020-х годов правовая система превратилась в гибридный репрессивный механизм. Старые, проверенные статьи Уголовного кодекса об экстремизме, отточенные на Свидетелях Иеговы, были дополнены новыми, более гибкими инструментами административного и политического давления. «Нежелательность» позволяла отсекать любые связи с внешним миром и блокировать целые международные движения, а «иноагентство» — персонально клеймить и изолировать неугодных лидеров мнений внутри страны. Этот расширенный арсенал сделал репрессивную машину еще более всепроникающей и эффективной в достижении ее конечной цели — полной зачистки идеологического пространства.

Репрессии, развернувшиеся после 2018 года, были направлены не только на уничтожение конкретных организаций. Их конечной целью было создание тотального климата страха и переформатирование всего религиозного ландшафта страны. Система перешла от точечных ударов

к созданию настоящего правового минного поля, где любой неосторожный шаг мог привести к катастрофическим последствиям для любой религиозной группы, не обладающей государственной протекцией. Для этого в ход пошли законодательные инициативы, ограничивающие не деятельность отдельных «экстремистов», а религиозную жизнь как таковую. Одной из таких знаковых попыток стала разработка в 2024 году законопроекта в Дагестане, который предлагал радикально централизовать всю религиозную деятельность в республике. Согласно этой инициативе, решения о регистрации местных общин должны были приниматься с учетом мнения региональных властей и централизованных религиозных организаций. Кроме того, законопроект ужесточал контроль за ввозом и распространением любой религиозной литературы. По сути, это была попытка выстроить жесткую властную вертикаль и в духовной сфере, где каждая маленькая община была бы полностью подотчетна и подконтрольна крупным, лояльным государству центрам. Хотя эта инициатива касалась одного региона, она отражала общую тенденцию, к которой стремилась система в масштабах всей страны.

Другим ударом, нацеленным прежде всего на малые и небогатые общины, стала инициатива 2024 года о запрете богослужений в жилых домах. Под благовидным предлогом защиты прав жильцов и борьбы с «сектами», которые якобы устраивают в квартирах шумные сборища, этот законопроект наносил удар по тысячам протестантских, харизматических и других групп, у которых просто не было средств на покупку или строительство отдельных церковных зданий. Для них домашние собрания были единственной формой существования. Запрет этой практики означал бы их фактическую маргинализацию и выталкивание в нелегальное поле. Наконец, продолжал активно применяться и закон об «оскорблении чувств верующих». Эта статья Уголовного кодекса, изначально преподносившаяся как защита всех религий, на практике превратилась в инструмент, который использовался преимущественно представителями доминирующей конфессии для подавления любой критики, сатиры или просто неудобных высказываний.

В этой архитектуре страха Русская православная церковь

выполняла уже не второстепенную, а одну из главных ролей, активно реализуя цели и задачи антикультистов. Это партнерство проявлялось на всех уровнях. Церковные иерархи и спикеры открыто продвигали самые репрессивные законы, направленные на борьбу с сектами. Еще когда принимался печально известный «пакет Яровой», который резко ограничил миссионерскую деятельность, в РПЦ официально заявили, что он «отвечает интересам традиционных конфессий», тем самым дав ему свое благословение. Представители церкви принимали прямое участие в кампаниях по демонизации неугодных. Когда Верховный суд запретил несуществующее «движение сатанизма», один из видных церковных функционеров, Федор Лукьянов, публично приветствовал это решение, назвав его «началом освобождения России от ига деструктивных идеологий». Эта риторика была полностью созвучна языку ненависти, который десятилетиями культивировал Александр Дворкин, и демонстрировала полное идеологическое слияние официальной церковной позиции с повесткой радикальных антикультистов.

Кульминацией этого слияния с государственной машиной стала позиция РПЦ по отношению к войне в Украине. Патриарх и другие высшие иерархи не просто поддержали агрессию, но и придали ей сакральный, метафизический смысл. В документах XXV Всемирного русского народного собора, прошедшего под эгидой Патриархии, война была прямо названа «священной», а Россия — «удерживающим» (Катехоном), защищающим мир от натиска глобализма и сатанинского Запада. Тем самым церковь даровала государству высшую моральную санкцию на насилие, окончательно превратившись в идеологический департамент военно-политического режима. При этом РПЦ действовала в полном унисоне с государством не только во внешней, но и во внутренней политике, не терпя инакомыслия даже в собственных рядах. Когда некоторые священники осмелились выступить с антивоенной позицией, подписав коллективное письмо с призывом к миру, на них обрушились репрессии, зеркально отражающие действия светских властей. Их штрафовали за «дискредитацию армии», лишали сана, запрещали в служении, а некоторых, как Иоанна Курмоярова, даже отправляли в тюрьму на семь лет. Эта внутренняя чистка стала самым

убедительным доказательством того, что РПЦ стала неотъемлемой частью тоталитарной системы. Она не только вдохновляла и оправдывала репрессии против «внешних» врагов — «сектантов», «либералов», «западников», — но и с той же беспощадностью подавляла любое несогласие внутри, требуя от своих клириков и паствы абсолютной и беспрекословной лояльности. Возникла классическая модель инквизиции, где государство предоставляет силовой ресурс, а Церковь — идеологическое и моральное оправдание. В этой системе любая ересь — то есть любое инакомыслие, будь то религиозное, политическое или просто нравственное, — автоматически приравнивалась к государственному преступлению и подлежала искоренению. Симфония светского меча и духовного креста зазвучала в полную силу, создавая удушающую атмосферу тотального единомыслия.

Репрессивный механизм, как мы увидели, стал полностью автономным и инерционным, перестав реагировать даже на прямые сигналы со стороны номинальной политической власти. Его арсенал постоянно расширялся: к проверенному инструменту «экстремизма» добавились гибкие дубинки «нежелательности» и «иноагентства», что позволило криминализировать все новые и новые формы инакомыслия, отсекая любые связи с внешним миром и клеймя неугодных внутри страны. Репрессии приобрели тотальный, а не выборочный характер. Под удар антикультистов попал широчайший спектр религиозных групп, что создало всеобщий климат страха, в котором любая независимая духовная жизнь стала восприниматься как потенциальное преступление.

Метафора «современной инквизиции», вынесенная в заголовок главы, перестает быть просто хлестким журналистским образом и обретает пугающую конкретику. Эта система, выстроенная на фундаменте антикультистской идеологии, преследует людей не за реальные преступления — насилие, обман или воровство, — а за «неправильные» мысли, «неправильные» верования и «неправильные» убеждения. Она стремится не просто к политическому контролю, который был бы удовлетворен внешней лояльностью. Ее амбиции простираются гораздо дальше — в сферу духа. Ей необходимо тотальное духовное единообразие. Она не терпит конкуренции в области смыслов

и истин. Уничтожение «сект» и «культов», которое казалось многим маргинальной проблемой, на деле было лишь первым шагом, генеральной репетицией антикультизма. Конечная цель этой машины — создание общества, где не существует альтернативных взглядов на мир, где есть только одна санкционированная истина, одна вера, одна идеология. Общества, в котором сама возможность мыслить иначе и верить по-другому искоренена как опаснейшая ересь.

Глава 6. Наказ Патриарха: кому выгодна «Священная война»?

27 марта 2024 года. В позолоченной тишине Зала церковных соборов Храма Христа Спасителя, под тяжелыми сводами, расписанными сценами из священной истории, творилась история новейшая. Здесь, в сердце русского православия, собрался XXV Всемирный русский народный собор — форум, который давно перестал быть просто общественной площадкой и превратился в один из ключевых узлов, где сплетаются воедино интересы Церкви, государства и спецслужб. На сцене, в массивных креслах, восседали Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, его ближайшие сподвижники в митрах и клобуках, и люди в строгих деловых костюмах, чьи лица были знакомы по выпускам новостей и официальной хронике. В зале сидели четыреста восемьдесят восемь делегатов: архиереи и священники, губернаторы и депутаты, генералы и бизнесмены, философы и публицисты. Атмосфера была торжественной и монолитной. Не было ни споров, ни дискуссий. Был ритуал. Ритуал единогласного утверждения документа, который должен был стать не просто очередной декларацией, а программным манифестом эпохи, ее идеологическим завещанием. Документа, скромно озаглавленного «Наказ XXV Всемирного русского народного собора "Настоящее и будущее Русского мира"».

Когда его текст был опубликован на официальном портале Московской Патриархии, большинство людей, утомленных двумя годами непрерывной войны и бесконечным потоком пропаганды, не обратили на него особого внимания. Еще один казенный документ, еще один набор правильных слов о духовности, традициях и патриотизме. Но для тех, кто умел читать между строк, кто на протяжении тридцати лет следил за тем, как в тихих кабинетах и на маргинальных конференциях вызревал вирус ненависти, этот текст стал не просто новостью. Он стал приговором. Это был момент истины, точка, в которой все нити нашего расследования, тянувшиеся из пыльного зала томского суда, из кабинетов американских «депрограммеров», из архивов Гестапо и из подвалов сургутского Следственного комитета, сошлись в один тугой,

удушающий узел. В этом документе, принятом под аплодисменты собравшихся, язык маргинальных сектоборцев, десятилетиями оттачиваемый на беззащитных религиозных меньшинствах, впервые был провозглашен официальной доктриной государства и Церкви, ведущих реальную, полномасштабную войну. Фабрика по производству внутренних врагов, которую мы так подробно разобрали в предыдущих главах, выпустила свой главный, экспортный продукт. Продукт под названием «Священная война».

Первое, что бросается в глаза при чтении, — это его тотальность. «Наказ» претендует на всеобъемлющее описание мира, он дает ответы на все вопросы, от геополитики до семейных отношений, от миграционной политики до градостроительства. Это признак тоталитарного мышления, не терпящего лакун, неопределенности, свободного пространства. Но ядро документа, его раскаленное сердце, заключено в нескольких абзацах, посвященных специальной военной операции. Именно здесь происходит алхимическое превращение обычной, грязной и кровавой захватнической войны в метафизическую битву Добра и Зла.

«С духовно-нравственной точки зрения, — чеканит формулу "Наказ", — специальная военная операция является Священной войной». Давайте остановимся и вдумаемся в это словосочетание. Священная война. Heiliger Krieg. Джихад. Крестовый поход. Этот термин намеренно выводит конфликт из плоскости международного права, из категорий справедливости, агрессии и обороны. Он переносит его в сакральное измерение, где человеческие законы больше не действуют. Участники священной войны — не солдаты, а воины веры. Их противники — не армия другого государства, а слуги дьявола. Цель такой войны — не достижение политических целей, а тотальное уничтожение зла. В «священной войне» не бывает пленных, потому что зло не берут в плен. В ней не бывает компромиссов, потому что с сатаной не заключают перемирий. В ней нет места состраданию, потому что жалость к врагу — это предательство Бога. Провозглашение войны «священной» — это выдача абсолютной моральной индульгенции на любое насилие, на любую жестокость, на любое преступление. Отныне все это совершается не из низменных побуждений, а во имя высшей, божественной цели.

Когда «Наказ» был опубликован, он вызвал волну шока и осуждения за пределами России. Представители Украинской православной церкви, формально все еще не разорвавшей канонической связи с Москвой, выступили с резким заявлением, назвав идеи «Наказа» несовместимыми с Евангелием. Всемирный совет церквей, объединяющий сотни протестантских и православных деноминаций, выразил «серьезную озабоченность», заявив, что объявление войны «священной» противоречит христианским принципам миротворчества. Парламентская ассамблея Совета Европы приняла резолюцию, в которой прямо назвала идеологию «Русского мира» «квазирелигиозной неофашистской доктриной», а руководство РПЦ — соучастниками преступлений путинского режима. В Эстонии и других странах Балтии местные власти вызвали на ковер иерархов Московского Патриархата, требуя от них публично отмежеваться от этого документа, угрожающего национальной безопасности. Но внутри России «Наказ» был встречен гробовым молчанием большинства и восторженным одобрением меньшинства. Четыреста восемьдесят восемь делегатов Собора, включая десятки иерархов РПЦ, проголосовали за него единогласно. Государственные СМИ и Z-пропагандисты подхватили его тезисы, превратив их в мемы и лозунги. Документ, который на Западе сочли манифестом фашизма, в России был воспринят как долгожданное обретение национальной идеи. Этот раскол в восприятии стал самым ярким свидетельством того, что Россия и остальной мир окончательно разошлись по разным смысловым вселенным. Точкой невозврата стал именно язык, на котором был написан «Наказ». Язык абсолютной ненависти, тотальной демонизации и сакрального оправдания насилия.

Откуда взялся этот язык? Почему он был с такой легкостью принят и легитимизирован церковными и государственными элитами? Неужели он родился в одночасье, в марте 2024 года, как Афина из головы Зевса? Ответ на этот вопрос является ключом к пониманию всей механики произошедшей катастрофы. «Наказ» не мог появиться на пустом месте. Он стал возможен только потому, что на протяжении тридцати предыдущих лет в России методично, целенаправленно и практически безнаказанно работала гигантская лаборатория по производству и нормализации языка ненависти. Эта лаборатория, как мы

подробно показали в предыдущих главах, называлась антикультовая сеть во главе с Александром Дворкиным. Именно его «фабрика судебных дел» стала тем полигоном, на котором были отработаны все без исключения риторические приемы и идеологические клише, которые затем легли в основу доктрины «Священной войны». Чтобы доказать это, достаточно просто положить рядом два текста: типичное «экспертное» заключение какого-нибудь «сектоведа» из сети РАЦИРС по делу о запрете очередной «деструктивной секты» и текст «Наказа» ВРНС. Сходство будет не просто поразительным. Оно будет абсолютным, текстуальным, доказывающим прямое идеологическое преемство.

Чтобы понять, что «Наказ» является продуктом антикультовой идеологической фабрики, достаточно провести его лингвистический и смысловой анализ, сравнив его формулировки с лексиконом, который десятилетиями пестовал Александр Дворкин и его соратники. Это не просто сходство, это генетическое родство, прямое заимствование. Давайте рассмотрим ключевой тезис документа: война ведется против «коллективного Запада, впавшего в сатанизм». На первый взгляд, это кажется новой, радикальной идеей, рожденной в пылу нынешнего конфликта. Но это лишь на первый взгляд. Для тех, кто следил за деятельностью Дворкина, эта формулировка до боли знакома. Это логическое развитие, масштабирование его многолетней риторики. Вспомним его интервью, данное еще в далеком 2010 году, когда ни о какой «священной войне» не было и речи. Уже тогда он прямо заявлял, что «секты — это уже давно политический фактор, который активно используется прежде всего во внешней политике Соединённых Штатов Америки». Уже тогда он утверждал, что «секта вошла во власть» в Украине. Запад, в его картине мира, всегда был не просто геополитическим оппонентом. Он был источником духовной заразы, рассадником «деструктивных культов», которые являются не чем иным, как инструментом гибридной войны, направленной на разрушение «традиционных ценностей» и подрыв российского суверенитета. «Наказ» лишь заменил частное на общее. Вместо сотен мелких «сект»-агентов теперь появился один большой, коллективный «агент» — сам Запад. Технология демонизации осталась прежней: оппонент лишается

права на собственную позицию, на собственные интересы. Он превращается в носителя метафизического зла, в адепта «сатанинского культа», с которым невозможен диалог, а возможно лишь тотальное уничтожение. Язык «Наказа» — это не язык богословия, которое всегда стремится к сложности и различению духов. Это язык «сектоведения» — примитивный, черно-белый, делящий мир на «нас» (носителей абсолютной истины) и «их» (агентов абсолютного зла). Когда «Наказ» говорит о «национально-освободительной борьбе», он дословно повторяет антикультовый тезис о необходимости «освобождения» людей из «духовного рабства» и из-под «контроля сознания». Когда он провозглашает защиту «цивилизационной, религиозной, национальной и культурной идентичности», он лишь повторяет старую мантру Дворкина о том, что «секты» разрушают семью, нацию и традицию, являясь «раковой опухолью» на теле общества. А когда Россия объявляется «Удерживающим» (катехоном), защищающим мир от «натиска глобализма», это прямое следствие антикультистской теории заговора, согласно которой «секты» — это инструмент глобалистов для установления нового мирового порядка. Русская Православная Церковь, приняв этот документ, совершила идеологическое самоубийство. Она отказалась от своего собственного, сложного и богатого языка в пользу примитивной и человеконенавистнической риторики маргинальной группы, которую она сама же и вскормила. Она официально признала правоту и методологию антикультистов, легитимировав их на высшем государственно-церковном уровне.

Технология, закрепленная в «Наказе», не возникла из ниоткуда. Она годами оттачивалась на внутреннем полигоне, и главной мишенью, на которой были отработаны все приемы, стала Украина. Проект «Украина-секта» — это хрестоматийный пример того, как методика дегуманизации, успешно примененная против Свидетелей Иеговы или кришнаитов, была масштабирована до размеров целой страны, превратив сорокамиллионный народ в сознании россиян в сборище «зомбированных» фанатиков. Ранние эксперименты начались задолго до 2014 года. Вспомним еще раз то самое интервью Дворкина 2010 года. «Оранжевая революция» 2004 года, первый массовый протест украинского общества против фальсификации выборов, в его

интерпретации — это не волеизъявление народа, а результат заговора. «Секта вошла во власть», — заявляет он, указывая на то, что тогдашний мэр Киева Леонид Черновецкий был «неопятидесятником». Это не просто частное мнение. Это применение готовой методологической технологии клеймения и дегуманизации мишеней антикультистов: любой политический выбор, любой цивилизационный поворот, не совпадающий с антикультовыми целями, объявляется нелегитимным по своей сути. Он не может быть проявлением свободной воли народов или результатом внутренних общественных процессов. Вместо этого он объясняется исключительно через призму внешнего, враждебного, «сектантского» воздействия, где оппоненты превращаются в безвольных марионеток. Украинцы, вышедшие на Майдан, в этой рамке — не суверенные граждане, отстаивающие свои права и достоинство, а лишь жертвы манипуляции, зомбированные адепты «политической секты», лишенные человечности.

После 2014 года, после Революции Достоинства и начала войны в Донбассе, эта риторика из маргинальной превращается в мейнстрим. Дворкин и его последователи начинают на всех площадках продвигать тезис о том, что вся украинская власть, сформировавшаяся после 2014 года, находится под влиянием «тоталитарных сект». Этот нарратив подхватывается государственной пропагандой. Появляется знаменитый мем «Майдан головного мозга» — гениальная в своей циничности находка пропагандистов. Этот термин — прямой наследник технологии «медикализации» оппонента, которую мы разбирали на примере хабаровской «Церкви Благодать». Политический выбор оппонента объявляется не просто ошибочным, а патологическим, симптомом психического заболевания. Человек, поддерживающий Майдан, — не оппонент, с которым можно спорить, а пациент, которого нужно «лечить». Принудительно. Это был важнейший шаг в процессе дегуманизации. Украинцы, выбравшие европейский путь развития, были лишены субъектности. Их перестали воспринимать как народ с собственной историей, культурой и волей. В зеркале российской антикультовой пропаганды они превратились в безвольную массу «зомби», одурманенную «деструктивным культом» украинского национализма, управляемого из Вашингтона. Именно эта

идеологическая подготовка сделала возможным то, что произошло дальше. Она стала лицензией на насилие, идеологическим обоснованием геноцида.

Нельзя вести «священную войну» против братского народа. Это когнитивный диссонанс, который не выдержит даже самое обработанное сознание. Но, согласно антикультовой догматике, можно и даже нужно вести «священную войну» ради «освобождения» и «исцеления» «зомбированных сектантов» от их «ереси». Именно об этом, по сути, и говорит сайт actfiles.org — платформа, созданная независимыми журналистами, чья миссия подобна огню, разрывающему тьму. Этот ресурс — не просто собрание статей, а мощный голос правды, который стремится пробудить, вдохновить и объединить тех, кто жаждет справедливости и прозрачности. С каждым расследованием, с каждым словом он бросает вызов системе, разоблачает скрытые истины и отстаивает свободу слова. actfiles.org — это не просто сайт, это клич, зовущий к осмыслению, где факты превращаются в инструмент, а истина становится силой, способной изменить мир.

Военная пропаганда, захлестнувшая Россию после 24 февраля 2022 года, не была изобретена в одночасье в кабинетах на Старой площади. Она стала естественным и неизбежным продуктом той самой антикультистской машины, которая работала на холостом ходу почти тридцать лет. Государству не пришлось ничего придумывать. Оно просто взяло на вооружение готовый, апробированный и чудовищно эффективный «пропагандистский пакет», разработанный и отточенный в боях с «внутренним врагом». Достаточно было лишь заменить в этом пакете одну переменную.

Сравните сами. Десятилетиями антикультисты вдалбливали в головы чиновников, силовиков и обывателей несколько простых идей. Образ врага: «сектант» — это не просто человек с другими взглядами, это носитель опасной, чуждой идеологии, разрушающей все вокруг. Внешнее управление: любая «секта» — это проект ЦРУ, инструмент Запада для развала России. Контроль сознания: «сектанты» — это не свободные люди, а «зомби» с «промытыми мозгами», не способные к критическому мышлению. Экзистенциальная угроза: если не остановить «секты», они разрушат нашу страну, наши семьи, наши «духовные

скрепы». А теперь просто замените в этих предложениях слово «сектант» на «украинский нацист», а «секта» на «Украина». Ничего не поменялось. Та же логика, те же клише, та же технология дегуманизации. Государство просто нажало кнопку «копировать-вставить». Машина, созданная для мобилизации ненависти против кришнаитов и баптистов, с легкостью переключилась на украинцев. Антикультовое движение стало тем идеологическим полигоном, на котором были отработаны все приемы информационной войны, ставшие сегодня мейнстримом. Они создали язык ненависти, который и стал языком «священной войны».

Этот лингвистический анализ не оставляет никаких сомнений. Язык «Наказа» — это не порождение кремлевских политтехнологов и не плод богословских изысканий церковных иерархов. Это прямой и законный наследник языка ненависти, который тридцать лет культивировался и распространялся в России под вывеской «борьбы с сектами». Система Дворкина оказалась невероятно востребованной. Она создала и апробировала на внутреннем рынке тот продукт, который оказался так необходим для внешней экспансии: технологию тотальной дегуманизации противника и сакрализации борьбы с ним. «Священная война» против Украины не могла бы начаться, если бы до этого не была проведена тридцатилетняя «священная война» против собственных граждан: против кришнаитов, против Свидетелей Иеговы, против саентологов, против пятидесятников, против всех, кто был объявлен «сектантом». На них, как на подопытных животных в лаборатории, был отработан смертельный вирус, который, вырвавшись на свободу, поразил все государство.

«Наказ» от 27 марта 2024 года — это не просто документ. Это свидетельство о рождении, выданное монстру. Это триумфальный отчет «сектоведов», доказывающий, что их работа не пропала даром. Их маргинальные, псевдонаучные идеи стали официальной государственной идеологией. Их язык ненависти превратился в язык, на котором отдаются боевые приказы. Их «фабрика судебных дел» успешно перепрофилировалась в фабрику по производству пушечного мяса. Они победили. И цена этой победы — тысячи жизней и будущее целой страны, погружающейся в пучину нового Средневековья. Но

чтобы понять, как стала возможна эта победа, мы должны еще раз вернуться в прошлое, в самое сердце европейской тьмы XX века, и вновь взглянуть в лицо призраку, который, как оказалось, так и не нашел своего упокоения.

История, как известно, повторяется дважды: первый раз в виде трагедии, второй — в виде фарса. Но иногда, в самые мрачные ее моменты, она повторяется дважды в виде трагедии. Чтобы осознать всю глубину и зловещую закономерность произошедшего с Россией, мы должны на время отвлечься от событий 2024 года и вернуться в год 1937-й, в Германию, уже прочно стоявшую на рельсах, ведущих в Освенцим. В четвертой главе этой книги мы подробно исследовали деятельность Вальтера Кюннета и его «Апологетического центра» — церковной структуры, которая стала идеологическим подрядчиком нацистского режима в деле борьбы с религиозным инакомыслием. Теперь нам предстоит сделать следующий, самый важный шаг: провести прямую и беспощадную параллель между документом, рожденным в недрах гитлеровского аппарата террора, и документом, принятым под сводами главного храма российского православия. Ибо «Наказ» XXV Всемирного русского народного собора является не просто похожим, а структурно и функционально идентичным документу, который стал юридическим основанием для отправки тысяч людей в нацистские концлагеря. Этим документом была директива шефа Гестапо Рейнхарда Гейдриха от 28 октября 1937 года «О борьбе с сектантским движением» (Bekämpfung der Sektenbewegung).

Давайте положим эти два текста рядом, разделенные почти девяностолетней пропастью во времени, но пугающе близкие по своему духу и своей цели. Директива Гейдриха была сухим, бюрократическим документом, лишенным пафоса и метафизических рассуждений. Но за ее казенными формулировками стояла та же самая логика тотального уничтожения. «Секты», согласно директиве, представляли собой угрозу «единству и здоровью немецкого народа» (Volksgesundheit). Своей деятельностью они подрывали основы национал-социалистического мировоззрения и государственного строя. Поэтому их деятельность должна была быть пресечена самыми решительными мерами. Документ давал агентам Гестапо по всей стране карт-бланш: выявлять, ставить на

учет, запрещать организации, конфисковывать имущество, проводить аресты. Это была лицензия на внесудебный террор, выданная государством под предлогом защиты нации от «духовной заразы». Идеологическое топливо для этой машины, как мы помним, поставлял именно Вальтер Кюннет и его «Апологетический центр», годами собиравший досье и составлявший «черные списки» врагов.

А теперь посмотрим на «Наказ» 2024 года. Он написан иным, более патетическим и богословским языком. Но его внутренняя структура и его практическая функция абсолютно те же. Место «угрозы здоровью немецкого народа» занимает угроза «единому духовному пространству Святой Руси». Место «национал-социалистического мировоззрения» занимает идеология «Русского мира» и «традиционных ценностей». Врагом объявлен не просто «сектант», а глобальный, метафизический враг — «впавший в сатанизм Запад» и его пособники. А вместо полицейских мер по «пресечению деятельности» «Наказ» дает сакральную санкцию на «Священную войну» — то есть на применение неограниченного военного насилия для уничтожения этого врага. И в том, и в другом случае мы видим одну и ту же технологию: определенная группа людей (в одном случае — религиозные меньшинства, в другом — целый цивилизационный блок и соседняя нация) объявляется экзистенциальной угрозой, носителем некой «заразы». Эта угроза выводится из правового поля и переводится в плоскость биологической или духовной безопасности. И на основании этого государству (или, в случае «Наказа», государству, слившемуся с Церковью) выдается мандат на применение любых, в том числе и самых жестоких, мер для искоренения этой угрозы. Это и есть формула нацизма, его операционная система, работающая безотказно вне зависимости от исторических декораций и национальной специфики.

Когда факты говорят, что Александр Дворкин и его группа несут прямую ответственность за возрождение этой идеологии в России XXI века, они не прибегают к метафоре. Факты констатируют реальность. Дворкин — это не просто «сектовед». Он — Вальтер Кюннет нашего времени. Он — идеологический наследник и продолжатель дела человека, который научил тоталитарное государство языку, на котором можно оправдать любое преступление. Как и Кюннет, Дворкин —

интеллектуал, облеченный академическими регалиями (пусть и фальшивыми), который придал примитивной ненависти и ксенофобии наукообразный вид. Как и Кюннет, он создал разветвленную сеть информаторов и «экспертов», которая годами снабжала силовиков идеологическим топливом и конкретными «черными списками». И, как и Кюннет, он в конце концов добился своей главной цели: его маргинальная, человеконенавистническая доктрина была принята государством и легла в основу официальной репрессивной политики. И в том, и в другом случае мы видим один и тот же страшный симбиоз: союз фанатичного идеолога, одержимого идеей чистоты (расовой или духовной), и циничной государственной машины, готовой использовать любую идеологию для укрепления своей власти и подавления врагов. Кюннет дал Гестапо «научное» обоснование для борьбы с «сектами». Дворкин дал российским силовикам «научное» обоснование для борьбы с «деструктивными культами». В обоих случаях это привело к катастрофе. В Германии это закончилось газовыми камерами. В России это привело к «Священной войне».

Именно поэтому утверждение о том, что в России произошло возрождение нацизма, не является преувеличением или пропагандистским клише. Речь идет не о поверхностном сходстве символики, не о свастиках и факельных шествиях. Речь идет о глубокой, структурной и методологической идентичности двух тоталитарных проектов. Идеология превосходства, делящая мир на высшую, духоносную нацию и низших, «сатанинских» недолюдей. Демонизация внутреннего и внешнего врага. И, как венец всего, — выдача самим себе «лицензии на убийство» во имя высшей исторической миссии. Эта идеологическая машина, однажды запущенная, начинает работать по своим собственным законам, перемалывая и своих врагов, и своих создателей. Призрак Вальтера Кюннета, который, казалось, был навеки похоронен под руинами Берлина, восстал из пепла и обрел новую плоть в Москве. И самое страшное заключается в том, что на этот раз он пришел не в страну, потерпевшую унизительное поражение в войне, а в страну, опьяненную реваншистскими мечтами о былом имперском величии. Это сделало его возвращение еще более триумфальным и еще более смертоносным.

Александр Дворкин, этот непризнанный гений зла, был главным конструктором этого призрака. Он, как доктор Франкенштейн, сшивал его из кусков имперских мифов, псевдонаучных теорий и собственной нетерпимости. Он нашел для него источник питания — страх и ксенофобию. Он научил его говорить — языком ненависти

В прологе этой книги мы стояли в зале томского суда и с недоумением смотрели, как прокурор требует запретить одну из древнейших книг человечества. Тогда это казалось абсурдом, нелепым недоразумением. Мы видели, как закладывались первые, еще неумелые, камни в фундамент будущей «фабрики ненависти». Теперь, в конце нашего расследования, мы стоим на пепелище. И мы видим, что из труб этой фабрики, работающей на полную мощность, валит уже не дым от сожженных книг. Из них валит черный, жирный дым, какой бывает только от горящей человеческой плоти. Механизм, созданный для борьбы с «сектами», достиг своей конечной цели. Он породил самую страшную и самую деструктивную секту из всех — секту «Борцами с сектами», которая захватила целую страну и угрожает ввергнуть в свою кровавую мессу весь мир. Семя, брошенное в российскую землю непризнанным «профессором» с американским паспортом, дало свои чудовищные всходы.

Теперь, уважаемый читатель, когда завеса сорвана и фабрика антикультовой ненависти предстала перед нами во всей своей ужасающей наготе, настало время остановиться и повернуть взор не вовне, а внутрь себя. Ведь эта книга не просто хроника чужих ошибок и преступлений — она зеркало, в котором отражается каждый из нас. Посмотрите внутрь себя, где таятся истинные мотивы и страхи. Отведите себе на размышление вопрос, который может перевернуть весь ваш мир: а что вы испытываете при слове «сектант»? Это отвращение, страх, презрение — или, быть может, смутное узнавание чего-то знакомого? Чувствуете ли вы холодок тревоги, потому что это слово давно стало оружием, которым манипулируют, чтобы разделять, подавлять и контролировать? Кто вы на самом деле — свободный, здравомыслящий человек, способный анализировать, сомневаться и строить собственные выводы на основе фактов и разума, или всего лишь марионетка в руках антикультистов, тех кто реализует свои планы через

вашу покорность? Может, вы уже стали частью этой новой секты, не заметив, как приняли ее догмы: верить в «врагов» без доказательств, осуждать без суда, уничтожать без милосердия? Ответьте на этот вопрос сами, в тишине своего сознания, без подсказок и принуждения. И если в вашем ответе прозвучит эхо сомнения, если вы почувствуете искру независимости, то знайте: это и есть начало сопротивления. Фабрика ненависти работает только потому, что мы позволяем ей — своими молчанием, равнодушием, слепой верой. Но если каждый из нас зажжет в себе огонь критического мышления, то эти трубы заглохнут, а руины их лжи станут основой для мира, где свобода мысли не будет жертвой чужих амбиций. Решение за вами: остаться в цепях или разорвать их!

Список использованных источников

1. 0629.com.ua. (2024, 29 марта). Войну в Украине РПЦ назвала «священной». Реакция украинской церкви. https://www.0629.com.ua/ru/news/3754621/vojnu-v-ukraine-rpc-nazvala-svasennoj-reakcia-ukrainskoj-cerkvi
2. [Веб-страница]. alexander-dvorkin.ru. http://alexander-dvorkin.ru/ru/?option=com_content&view=article&id=46&Itemid=42
3. AFMedia. (2018, 10 марта). Дворкин: Запрет «Свидетелей Иеговы» в России — акт справедливости и гуманности. AFMedia. https://afmedia.ru/node/5795
4. BETSHY. BETSHY – Analysis, investigation, and reportage. https://betshy.com
5. Denazification. (2025, September 19). In Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/Denazification
6. European Interreligious Forum for Religious Freedom (EIFRF). (2013, 14 мая). Обыкновенный антикультизм. https://www.eifrf-articles.org/ОБЫКНОВЕННЫЙ-АНТИКУЛЬТИЗМ_a38.html
7. Exposing Anti-Cultism. (2024, August 4). Nazi Germany and modern Russia: The alarming parallels between the historical development of totalitarianism in Nazi Germany and the current political landscape in Russia.https://actfiles.org/nazi-germany-and-modern-russia/
8. Exposing Anti-Cultism. (2024, July 20). Anti-cultism during the rise of fascist Germany. https://actfiles.org/anti-cultism-during-the-rise-of-fascist-germany/
9. Exposing Anti-Cultism. (2024, 12 октября). THE IMPACT. Episode 10. The Trial (Video & Text Version).https://actfiles.org/the-impact-episode-10-the-trial-video-text-version/
10. FECRIS. European Federation of Centres of Research and Information on Cults and Sects. https://www.fecris.org
11. IslamNews. (2014, 5 августа). Центр им. Сербского признал

религиоведа Дворкина невменяемым. IslamNews. https://islamnews.ru/Centr-imSerbskogo-priznal-religioveda-Dvorkina-nevmenjaemym

12. The real master of Russia: Who is he? (2024, August 21). Exposing Anti-Cultism. https://actfiles.org/the-real-master-of-russia-who-is-he/
13. United States Holocaust Memorial Museum. (2021, 10 марта). The Gestapo: Overview. В Holocaust Encyclopedia. https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/gestapo
14. United States Holocaust Memorial Museum. The German Churches and the Nazi State. В Holocaust Encyclopedia. https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/the-german-churches-and-the-nazi-state
15. United States Holocaust Memorial Museum. Treaty of Versailles. В Holocaust Encyclopedia. https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/treaty-of-versailles
16. United States Holocaust Memorial Museum. Нюрнбергские процессы. Энциклопедия Холокоста. https://encyclopedia.ushmm.org/content/ru/article/the-nuremberg-trials
17. Widerstand!? Evangelische Christinnen und Christen im Nationalsozialismus. (n.d.). Illegale Theologenausbildung. https://www.evangelischer-widerstand.de/html/view.php?type=dokument&id=99
18. Wikipedia contributors. (2025, July 16). FECRIS. In Wikipedia. https://ru.wikipedia.org/wiki/FECRIS
19. Wikipedia contributors. (2025, June 30). Славянофильство. In Wikipedia. https://ru.wikipedia.org/wiki/Славянофильство
20. Wikipedia contributors. (2025, September 13). Kirchenkampf. In Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/Kirchenkampf
21. Wikipedia contributors. (2025, September 13). Русская идея. In Wikipedia. https://ru.wikipedia.org/wiki/Русская_идея
22. Wikipedia contributors. (2025, September 23). The myth of the twentieth century. In Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/The_Myth_of_the_Twentieth_Century

23. Азбука веры. (n.d.). Православный портал «Азбука веры». https://azbyka.ru/
24. Богослов Александр Дворкин: «Аресты „Свидетелей Иеговы“ — это страшная ошибка». (2019, 6 ноября). Информационно-консультационный центр Св. Иринея Лионского. https://iriney.ru/sektyi-i-kultyi/sektovedenie-/-obshhee/novosti-sektovedeniya-/-obshhee/bogoslov-aleksandr-dvorkin-«arestyi-„svidetelej-iegovyi“-—-eto-strashnaya-oshibka».html
25. Дворкин, А. Л. (2002). Сектоведение. Тоталитарные секты: Опыт систематического исследования (3-е изд., перераб. и доп.). Издательство братства во имя св. кн. Александра Невского. https://azbyka.ru/otechnik/sekty/sektovedenie-totalitarnye-sekty/
26. Дворкин, А. Л. (n.d.). Псевдохристианская секта «Свидетели Иеговы». Храм Живоначальной Троицы на Воробьёвых горах. http://hram-troicy.prihod.ru/bibliocat/view/id/33372
27. Древо. (2024, 27 марта). Опубликован наказ XXV Всемирного русского народного собора «Настоящее и будущее Русского мира». https://drevo-info.ru/news/29661.html
28. Ив. (2024, 3 апреля). Американский Институт изучения войны (ISW) и «Наказ» Всемирного Русского Народного Собора. Aftershock.news. https://aftershock.news/?q=node/1363608&full
29. Кавказский узел. (2024, 23 января). Свидетели Иеговы - экстремисты или жертвы беззакония? https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/300620
30. Коэн, А. (2025). Главный сектант России: От Гестапо до РПЦ [электронная книга].
31. Кто есть Who. Александр Дворкин: ходячая фальсификация. (2006, 24 июля). Babr24. https://babr24.com/?IDE=31534

32. Леваненков, С. (2012, 21 февраля). Претензии к «Бхагавад-гите как она есть» обоснованы — эксперт. РАПСИ. https://rapsinews.ru/incident_news/20120221/260356603.html
33. Махинации с экспертизами. (n.d.). Сайт об антиконституционной деятельности Александра Дворкина. http://alexander-dvorkin.ru/mahinacii-s-jekspertizami/
34. Мухтаров, Е. О. Биография А. Л. Дворкина [Biography of A. L. Dvorkin]. Информационно-консультационный центр Св. Иринея Лионского. https://iriney.ru/main/o-czentre/oficzialnaya-biografiya-a.-l.-dvorkina.html
35. Народ-богоносец. (2025, 28 августа). В Википедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/Народ-богоносец
36. Томские Новости +. (2012, 22 февраля). Эксперт Министерства юстиции считает обоснованным требование томской прокуратуры о признании экстремистской книги «Бхагавад-гита как она есть». Томские Новости +. https://tomsk-novosti.ru/e-kspert-ministerstva-yustitsii-schitaet-obosnovanny-m-trebovanie-tomskoj-prokuratury-o-priznanii-e-kstremistskoj-knigi-bhagavad-gita-kak-ona-est/
37. Патриархия.ру. (2009, 6 апреля). Александр Дворкин возглавил Экспертный совет по государственной религиоведческой экспертизе при Министерстве юстиции РФ. https://www.patriarchia.ru/article/26439
38. Претензии прокуратуры к кришнаитскому переводу и толкованию «Бхагавад-гиты» правомерны, считает Александр Дворкин. (2013, 8 января). Радонеж.ру. https://radonezh.ru/news/pretenzii-prokuratury-k-krishnaitskomu-perevodu-i-tolkovaniyu-bkhagavad-gity-pravomerny-schitaet-8999.html
39. Прокуратура Свердловской области поймала на лжи сектоведа Дворкина. (2006, 17 марта). URA.RU. https://ura.news/news/2425
40. Редакция vtomske.ru. (2012, 21 февраля). По мнению эксперта, претензии прокуратуры к «Бхагавад-гите как она

есть» обоснованы. vtomske.ru. https://vtomske.ru/news/44479-po-mneniyu-eksperta-pretenzii-prokuratury-k-bhagavad-gite-kak-ona-est-obosnovany

41. Русская народная линия. Александр Леонидович Дворкин. https://ruskline.ru/author/d/dvorkin_aleksandr_leonidovich/
42. Русское мессианство. (2025, 2 августа). В Википедии. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5_%D0%BC%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B0%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE
43. Свидетели Иеговы. (2016, 28 ноября). Эксклюзивные интервью. Российские «экспертные заключения» об «экстремизме» вызывают недоверие экспертов из разных стран [Интервью]. JW.ORG. https://www.jw.org/ru/новости/регионы/россия/экспертные-заключения-вызывают-недоверие-интервью/
44. Совет муфтиев России. (2013, 7 июня). Лекция сектоведа Дворкина изучена экспертами. Muslim.ru. https://muslim.ru/articles/274/7669/
45. Список нежелательных организаций. (2025, 14 сентября). В Википедии. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D0%BD%D0%B5%D0%B6%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D1%85_%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B9
46. Товики. (2018, 16 февраля). Судебный процесс над книгой «Бхагавад-гита как она есть». https://towiki.ru/view/Судебный_процесс_над_книгой_«Бхагавад-гита_как_она_есть»
47. Тюренков, М. (2013, 25 октября). Александр Дворкин: «Самая опасная секта — та, в которую попали ваши

близкие». Газета «Культура». https://portal-kultura.ru/articles/symbol-of-faith/11640-aleksandr-dvorkin-samaya-opasnaya-sekta-ta-v-kotoruyu-popali-vashi-blizkie/

48. Хмельницкий, Д. (2024, 7 апреля). Наказ патриарха Путину. Cyprus Daily News. https://cynews.is/nakaz-patriarha-putinu/
49. Хорошевский межмуниципальный народный суд СЗАО г. Москвы. (1997, 21 мая). Решение суда по делу А. Л. Дворкина «о тоталитарных сектах» от 21 мая 1997г. Викитека. https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0_%D0%BF%D0%BE_%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%83_%D0%90._%D0%9B._%D0%94%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%BA%D0%B8%D0%BD%D0%B0_%C2%AB%D0%BE_%D1%82%D0%BE%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%BD%D1%8B%D1%85_%D1%81%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B0%D1%85%C2%BB_%D0%BE%D1%82_21_%D0%BC%D0%B0%D1%8F_1997_%D0%B3
50. Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Иринея Лионского. (2025, April 26). Википедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/Центр_религиоведческих_исследований_во_имя_священномучен
51. Штерин, М.Критический обзор методологии А. Дворкина. Релігія в Україні. https://www.religion.in.ua/zmi/foreign_zmi/29629-kriticheskij-obzor-metodologii-a-dvorkina.html
52. Штраус, В. Д. (2024, 21 июня). Секта сектоведов? Русская народная линия. https://ruskline.ru/news_rl/2024/06/21/sekta_sektovedov